

Чи(с)тка

Пьеса в XII.V картинах

Арнольд Валентинович Дорожный – режиссёр камерного драматического театра “Млечный путь”. Высокий мужчина 59 лет байронического толка с поправкой на издержки возраста, нервный. Имеет длинные седые волосы, убранные в конский хвост, посередь которых находится плешь.

Анастасия Романовна Марценвельд – директор камерного драматического театра “Млечный путь”, она же актриса; женищина 66 лет, крашеные чёрным седые волосы убраны в клубок.

Марина Сидорова – актриса камерного драматического театра “Млечный путь”, жена актёра Руслана Сидорова; блондинка 35 лет с желтоватым подвижным лицом.

Руслан Сидоров – актёр камерного драматического театра “Млечный путь”, муж актрисы Марины Сидоровой; смуглый, восточного вида спортивно одетый мужчина 37 лет.

Геля Герман – актриса камерного драматического театра “Млечный путь”, дочь Анастасии Романовны Марценвельд. Приятная девушка 20-и лет с пирсингом в носу и ушах.

Старший капитан Зубов – старший капитан господин Дмитрий Борисович Зубов, действительный федеральный прокурор-исполнитель по центральному региональному округу. Мужчина лет около 50, в длинной до пола серой шинели.

Роман и Олег – федеральные приставы-исполнители по центральному региональному округу, в грязных белых шапочках и грязных белых халатах, с чёрными резиновыми дубинками на поясе.

Голос Серёжа – художник по звуку, невидимый низкий бас из акустической системы.

Голос Эдик – художник по свету, невидимый высокий тенор из акустической системы.

Николай Виктóрович Приборский

Среднего роста неопределенного возраста – внешность и возраст на усмотрение режиссёра. Появляется на сцене с чёрным кожаным блокнотом и перьевой ручкой в руках. Время от времени делает пометки.

Картина I

Медленно и печально из совершенной темноты возникает тусклый рассеянный свет. По центру пустой сцены камерного драматического театра "Млечный Путь" располагается косо поставленный деревянный венский стул. На спинке стула висит женская синтетическая белая шубка. На стуле, увлеченно играя на планшетном компьютере, восседает Арнольд Валентинович Дорожный. Планшет издает 8-битные игровые звуки. На Арнольде Валентиновиче элегантное короткое тёмное пальто, на шее Арнольда Валентиновича не без франтовства свободно повязан петлёй шёлковый тёмно-пурпурный шарфик-кашне. Примерно через минуту-полторы из левой кулисы выходит Марина Сидорова. Тихо подойдя к режиссёру сзади и нежно приобняв его за плечи, Марина Сидорова безмолвно смотрит на то, как играет Арнольд Валентинович. Марина Сидорова одета в джинсы, высокие замшевые сапоги и в меру элегантный свободный свитер мешком.

Арнольд Валентинович (оглянувшись)

Марина, вот скажи ты мне: я режиссер или кто я, в конце-концов? (увлеченно играет во что-то на планшете)

Марина

Ну конечно, Арно. Ты мой самый любимый, самый лучший мой режиссер. Поцелуй скорее (кладёт подбородок режиссёру на плечо сзади).

Арнольд Валентинович (продолжает играть в планшет)

Нет, ты мне скажи! На кой ляд нам такой подарочек под новый год? С каких-таких пряников она это говно в репертуар тащит?! А, есть! (судорожно жмёт в планшете)

Марина

Ну, ей виднее, Арно. Господи, да во что ты играешь? Квадраты, кубики... Верх-низ – я совершенно не понимаю. Арно, мы так редко бываем, а ты – ноль внимания. Сейчас она явится, обними срочно. Что, неужто уже охладел?

Арнольд Валентинович (жмёт в планшете)

Ты моя муза! Сейчас, Марин, тут это. Скажи-ка, а ты почитала?

Марина

Новое? Не успела, милый, Цыганок почитал.

Арнольд Валентинович

Помирились?

Марина

Лучше не спрашивай.

Арнольд Валентинович

Ладно... Ты, конечно, могла бы найти полтора часа на [материал](#).

Марина

Так сегодня же и так читка, зачем?

Арнольд Валентинович

Потому что это твоя работа, Марина.

Марина

Mea culpa, майн режиссёр. Готова загладить нежно (ласково оглаживает Дорожного по предплечью).

Арнольд Валентинович (смотрит в планшет)

Муза моя. Француз он, как же. *Клише на клише погоняет клише*. Суп луковый из репы с клюквой. Он такой же, бя, француз, как я. Извини, Марин.

Марина (целует Арнольда Валентиновича в ухо, продолжает оглаживать предплечье)

А что, ты вполне француз. Я думала, он тоже француз: Марценвельд сказала – французское ставим.

Арнольд Валентинович (усмехается)

Француз... Мало мы в восемьсот двенадцатом лягушатникам навешали. Апчхи!

Арнольд Валентинович громко чихает, одной рукой достаёт из внутреннего кармана пальто здоровенный носовой платок под цвет кашне, громко в него сморкается и, скомкав платок, убирает его обратно.

Марина

Чем тебе, милый, французы не угодили?

Арнольд Валентинович

Да угодили, Маринка, угодили французы, это я так. Как бы этого чёрного тут? (судорожно давит на планшет)

Марина

Слушай, ну сколько уже можно?! Поцелуй быстрее, сейчас все уже придут.

Арнольд Валентинович

Да сил же, Маринка, никаких нету! Герпес человеческий (кладёт планшет на пол). Ладно, к чёрту. Иди, иди, пока не подтянулись. (смотрит на наручные часы)

Марина

Куда? Доигрался? Пол-седьмого... Сейчас придёт.

Арнольд Валентинович

Она без четверти обещалась. Иди, иди сюда быстрее.

Марина садится на колени к Арнольду Валентиновичу, они предаются поцелуям и достаточно откровенным ласкам (не снимая одежду)

Картина II

Лобзания на стуле, сопровождаемые страстными полушепотами, продолжаются примерно минуту. Внезапно раздаётся приглушенный звук достаточно сильного взрыва, который случился, по всей видимости, на улице совсем неподалёку от театра.

Арнольд Валентинович и Марина, прервав ласки, поворачивают головы в сторону источника звука. Внезапно начинают трещать звуковые порталы и мониторы, расположенные на сцене.

Трещат они ровно так, словно бы в активный микшерный пульт, закоммутированный с включенным массивом некто неловко пытался вставить кабельный разъем "джек" или "кэнон", что, собственно, и происходит.

Затем из порталов и мониторов раздаётся громкий полупьяный низкий бас

Серёжа

Это че было? АрнольдТиныч, здрасьте. Маринка, привет.

Арнольд Валентинович с Мариной, изрядно напуганные взрывом, услышав внезапный бас из порталов, подсакивают, как ошпаренные и остаются стоять на сцене.

Арнольд Валентинович (крайне эмоционально в сторону звукорежиссерской рубки)

Ах ты с-с-сука! Чуть до инфаркта не довёл! Слушай-ка, если кому хоть слово, что ты тут видел – тебе здесь не работать, бля, понял? И не жить вообще, понял, бля, - нет?

Серёжа

АрнольдТиныч, да че сразу сука-то? Я ваще ниче не видел, я спал ваще.

Арнольд Валентинович

Ты что тут вообще делаешь? Я тебя сегодня не вызывал. Бухáл опять, что-ли?

Серёжа

С Петровичем Старый Год провожали. Че сразу сука-то, АрнольТиныч. Ну, выпили. Первый раз, что-ли.

Марина

Ты опять пьяный, Серый?

Серёжа

Ничего я не пьяный.

Арнольд Валентинович (смягчаясь)

Ну, иди сюда, родной. Сейчас читка новой пьесы будет, микрофон мне поставь. И Петровича позови, пусть софит по центру даст.

Сережа

Так нету Петровича, АрнольТиныч, он днём ещё ушел. В Козельск укатился, к тёще на пироги.

Арнольд Валентинович

Да хер с ним. Извини, Марин. Ты иди микрофон мне поставь.

Серёжа

Секунду, Арнольд Тиныч, сейчас спущусь.

Марина

Господи, что там такое взорвалось?

Арнольд Валентинович (рассеяно)

Кто знает, Марина... Там танки напротив. Так, может быть, выстрелил кто-то из них...

Марина

Как это выстрелил?

Арнольд Валентинович (несколько раздражённо)

Ну откуда мне знать, Марин? Ты же видишь — я тоже тут, вместе с тобой.

Сережа

Арнольд Тиныч, я выйти не могу. Петрович, наверное, дверь на ключ запер.

Арнольд Валентинович

Вы чего, совсем охуели? Извини, Марин. Как это запер?

Сережа

Дверь закрыта, а ключа нет.

Арнольд Валентинович

Ну и сиди тогда там, сам виноват. Фонограмму нам поставишь.

Серёжа

А чего ставить? Мне никто ничего не давал.

Арнольд Валентинович

Я! Я [пьесу](#) тебе лично сам позавчера давал. Там по тексту чайки кричат и [колокол, как в Одесской киностудии](#). Чайки есть у тебя?

Серёжа

Найдём, АрнольдТиныч.

Арнольд Валентинович

Ладно, потом.

Серёжа

Как скажете, АрнольдТиныч.

Ещё всхрип в акустической системе – и Серёжа замолкает.

Раздаются уверенные шаги и на сцене появляется Анастасия Романовна Марценвельд.

На Анастасии Романовне тяжёлая шуба из чернобурой лисы или песца и большая шарообразная чёрная меховая шапка. В руках Анастасия Романовна держит два пакета – один большой красный пластиковый пакет с белой надписью "Ашан" и второй, прозрачный без надписей, полный мандаринов. Из пакета с надписью "Ашан" торчит длинный батон-багет, из прозрачного с мандаринами – еловые ветки с шишками.

Анастасия Романовна ставит пакеты на сцену, прислонив их к одиноко стоящему на сцене стулу.

Анастасия Романовна

С наступающим, труппа. Ну чего, все уже здесь?

Марина

Руслана и Гели нет. И вас так же, Анастасия Романовна!

Арнольд Валентинович

Тась, не знаешь, что там сейчас бахнуло?

Арнольд Валентинович снимает пальто и небрежно бросает его поверх стула. Остаётся в тонком чёрном джемпере с треугольным воротом и кашне.

Анастасия Романовна

Танк. Танки видели?

Марина

Видели, Анастасия Романовна.

Анастасия Романовна

Один по другому выстрелил. Тот в клочья, башня отдельно, всё вокруг горит. Солдаты, пожарные и полиция бегают, как муравьи. Они всё оцепили, еле сюда юркнуть успела.

Марина

Господи, ужас какой.

Арнольд Валентинович

Случайно, что-ли?

Анастасия Романовна

Да не знаю я, Ноля. Пока из дома через "Ашан" шла, через каждые 100 метров паспорт просят, от Юродивых до Врангеля три блокпоста. Три!

Марина

И не боитесь вы, Анастасия Романовна, вечером пешком ходить.

Арнольд Валентинович

Правда, Тась. Чего ты на ногах в такое время?

Анастасия Романовна

Слушайте, я два шага по центру пройти не могу? Не ночь ведь, семь тридцать всего. До комендантского ещё три с половиной часа.

Арнольд Валентинович

Я за тебя переживаю. Смотри, обидят. Села в электрo – и поехала.

Анастасия Романовна

В электрo, Ноля, дышать нечем. Да я ведь сама кого хочешь обижу.

Арнольд Валентинович (усмехается)

Это уж точно.

За сценой раздаются приближающиеся голоса, на сцене появляются Геля и Руслан – они пришли вместе.

Геля идет первой. Она снимает рюкзак и кладёт его к пакетам Анастасии Романовны рядом с режиссёрским стулом, затем расстегивает пуховик и оглядывается, куда бы его повесить.

Геля

Привет всем.

Арнольд Валентинович (капризно, недовольно)

Слушайте, вот скажите мне: почему я заранее на репетицию прихожу, а вы вечно опаздываете?

Руслан

Извини, Арнольд, Ванюшку к деду отвозил на III-го Интернационала. Марина должна была предупредить. Марин, ты не предупредила, что-ли?

Марина (раздражённо)

Да предупредила, предупредила.

Арнольд Валентинович

В следующий раз чтобы все были вовремя.

Геля

Конечно, Дядь Ноль, извините, пожалуйста, дядь Ноль. А на Врангеля сейчас танк взорвался.

Анастасия Романовна

Знаем. Вы сюда без проблем прошли?

Руслан

Я на блоке сказал, что к себе – старший без разговоров пустил. Сказал только после комендантского не бродить.

Марина

Цыганок, а вы чего это с Гелей? Мозги ребёнку пудришь?

Геля

Мы в электрo встретились, Марин, случайно.

Марина

В тревоге мирской суеты? Смотри мне, Цыганок.

Руслан (раздражённо, устало)

Марина, сколько раз я тебя просил... Какой я тебе цыганок?

Марина

Ну что ты какой нудный, Русь? Я шу-чу.

Руслан

Не нравится мне, можешь так не шутить? Не смешно.

Марина

Тогда будешь у меня грек.

Руслан

Да иди ты, Марин.

Марина

Иди сам. Иди, вон, и принеси стулья, они сразу за левой кулисой стоят.

Руслан, не пререкаясь, послушно уходит за левую кулису, приносит оттуда четыре поставленных один на другой стула и, вместе с режиссёрским, расставляет стулья буквой С, развёрнутой к зрительному залу пустотой.

Геля, Руслан и Анастасия Романовна снимают верхнюю одежду, вешают её на спинки стульев. Труппа стоит и разговаривает.

Геля

Серёга здесь? По его велосипеду только что танки проехали. Они танк без башни, объезжали и на тротуар заехали, там у нас вся парковка в брызги.

Арнольд Валентинович

Он в рубке пьяный, Геля. Пусть спит, потом скажешь. Тась, а чего мы на сцене сегодня читаем? Кто, мать его, занавес в зал положил? (показывает пальцем в зрительный зал)

Анастасия Романовна

Что ты ругаешься? Люсенька его постирала, теперь он сохнет – где прикажешь сушить? Тебе на сцене не читается, Арнольд? Как это пьяный?

Серёжа (низкий бас из хрипящих порталов)

Ничего я не пьяный, СтасьМанна. Чё там с великом моим, Гель?

Геля

Серёнь, ему пиздец. Ой, мамулечка...

Анастасия Романовна

Ты чего, дочь? Совсем?

Геля

Простите... Всё, нету твоего велика, Серёнь. Там сейчас по парковке пять танков один за другим ломились. Все велики, какие там были – в мясо. И самокаты в мясо. В абсолютный фарш.

Серёжа

Ну вот, блин. Как же так...

Анастасия Романовна

Геша, что за слова? Ещё раз мат от тебя услышу – получишь по губам.

Геля (улыбается)

Прости, мамулечка, я нечаянно.

Анастасия Романовна

Последи за языком. Серёга, смотри, уволью.

Серёжа (обиженно)

Да че сразу уволью-то?

Арнольд Валентинович

Так. Ну чего, [материал](#) все почитали? Руслан? Геля?

Геля (садится на край сцены, свесив ноги в зал, копается в рюкзаке)

Дядь Ноль, простите, пожалуйста, я вчера откладывала, откладывала – думала, днём сегодня почитаю. А сегодня у меня термос в рюкзаке пролился, дядь Ноль, прямо на [пьесу](#). И там теперь ничегошеньки не разобрать.

Анастасия Романовна

Геша, ты как первоклассница оправдываешься. Что за детский лепет, вообще? Какой тебе “дядь Ноль”? На работе будь добра “Арнольд Валентинович”.

Геля (показывает на две трети залитый чем-то коричневым свой экземпляр пьесы)

Извините, Арнольд Валентинович. Ну мамочка, ну правда же кофе пролилось.

Руслан

Арнольд, прости, я тоже не успел прочесть. Только вчера читать сел – на халтуру в Минсельхоз сорвали.

Арнольд Валентинович (недовольно, капризно)

Ну что за дела, ребята, что за детский сад вообще? Тась, почему я должен работать с людьми, которым вообще [ничего](#) не надо? Опаздывают, материала не знают. Скажи, мне-то [оно](#) зачем надо вообще? Я лучше бы в Углич на фестиваль, водки бы попили с Сарониным.

Анастасия Романовна

Нолечка, а то ты не знаешь, что будет, если ты водки с Сарониным попьешь?

Арнольд Валентинович (раздраженно)

Я знаю, что я совершенно не знаю, зачем сейчас, да и зачем вообще надо ставить [этот дешёвый псевдофранцузский бред](#). Апчхи!

Арнольд Валентинович достаёт из кармана пальто носовой платок и громко в него сморкается. Высморкавшись, убирает платок в карман брюк.

Анастасия Романовна (весело)

Я зато знаю – и этого вполне достаточно. Будь здоров.

Арнольд Валентинович

Мерси́ (прижимает руку к сердцу и склоняется в саркастичном поклоне).

В этот момент невесть у кого звонит телефон – в качестве рингтона на телефоне установлен "Вальс цветов" П. И. Чайковского, аранжированный в стиле [8 bit](#). Марина достаёт из кармана джинсов смартфон и отвечает на звонок.

Марина

Мать, привет. Как Ванюша? Что-о-о-о? Охренеть. Какое? Охренеть. Да нет, у нас хорошо, мы на репетиции. Да, совсем рядом с театром, прямо на Врангеля. Нет,

я не видела, мне рассказали. А по которому каналу? Какой? Вот это да...
Охренеть. Слушай, ты тогда ещё пару дней понянчишь? Отлично, мамуль. Где фазер? Про белку? Привет ему. Слушай, ну по обстановке тогда. На III-го Интернационала нормально? Ну, хорошо. Мамуль, извини, мне работать надо, я тебя через пару часов наберу. Да, пока, родная. Целую. Извините (выключает смартфон, кладёт в джинсы). Охренеть!

Руслан

С Ваней всё хорошо?

Марина

Мама сказала, в центре восстание. Про Врангеля по телерó передают, театр снаружи показали сейчас по обоим каналам. 9-й Даманский полк восстал, танки ездят и друг в друга стреляют. Уже двадцать штук по всему центру горят. Генеральный в телерó обращается.

Арнольд Валентинович

Что ещё за 9-й Даманский полк?

Марина

Не знаю, Арнольд Валентинович, мама так сказала.

Руслан

С Ваней, говорю, нормально, Марин?

Марина

Да нормально с Ваней, нормально. С дедом пазл про белку собирают. Мама сказала, комендантский теперь прямо сейчас и электрó сегодня-завтра отменили.

В телерó генеральный говорит никуда не выходить. Так я думаю, может, пусть Ванька на III-го Интернационала пока посидит?

Руслан

Да уж конечно, пусть пока посидит.

Арнольд Валентинович (раздражённо)

Отлично, просто замечательно. Ну что, для кого будем французов твоих ставить, Анастасия Романовна? Для танкистов?

Анастасия Романовна (резко)

Для трактористов, ёб твою... У меня госзаказ. Деньги получаешь? Получаешь – ну так и хватит нить, ей богу. Ставь, что велено или другую работу поищи. Ты, Ноля, иногда бываешь хуже бабы.

Арнольд Валентинович (ворчливо)

Ладно-ладно. Поставлю.

Анастасия Романовна (весело)

Вот, другое дело! Теперь ты лучше бабы! Идите с Русланом и занесите на сцену стол, в коридоре за левой кулисой стоит.

Арнольд Валентинович (капризно, ворчливо)

У меня в трудовом договоре про заносить на сцену стол вообще-то ничего нет.

Анастасия Романовна (саркастично, с некоторым раздражением)

Марин, занесите-ка с Гешей на сцену стол, а то у Арнольда Валентиновича в договоре не обозначено.

Арнольд Валентинович (машет на Анастасию Романовну рукой)

Ладно-ладно, шучу я. Русь, пошли, занесём.

Картина III

Арнольд Валентинович и Руслан уходят в заднюю левую кулису. У Арнольда Валентиновича в руках планшет.

На сцене гаснет свет, поворачивается сценический круг и зрители видят довольно широкий коридор в разрезе, дальняя от зрительного зала стена которого уставлена разнообразной театрально-декорационной бутафорией. Коридор расположен по диагонали от задника левой кулисы к крайне правому углу сцены. Здесь располагается разнообразная мебель и предметы, по всей видимости, являющиеся сценическими декорациями и реквизитом: у самой левой кулисы стоит барочный секретер, на котором лежит и фосфоресцирует планшет Арнольда Валентиновича, сразу за ним – вешалка с какими-то сценическими нарядами в разноцветных павлиньих перьях, тут же обшарпанный старый рояль, странные ретро-футуристического вида каркасно-картонные конструкции, небольшая гондола из папье-маше и вообще всё, что только придёт на ум художнику-сценографу.

У самого края правой кулисы – там, куда, собственно, упирается коридор, стоит большой круглый дубовый стол. У стола, оперевшись на него, закрыв глаза рукой, лицом к залу стоит Арнольд Валентинович Дорожный, а слегка сзади, положив руку на режиссёрское плечо, расположился Руслан Сидоров.

По позам, в которых находятся наши герои, должно быть понятно, что сцена тягостна для обоих.

Арнольд Валентинович (устало)

Русь, я так больше не могу. Мы немедленно должны всё это безобразие прекратить.

Руслан (сначала презрительно, затем страстно)

Как это низко, Арнольд. Ты же использовал меня, просто использовал, а теперь хочешь выбросить, как старый носок. Но ведь я тебя люблю, и как же теперь мне быть дальше?

Арнольд Валентинович (устало)

Это не любовь, Русь, это у тебя поехал чердак. Давай прекратим по-хорошему и больше не будем к этому возвращаться.

Руслан (страстно)

Но что мне делать со своими чувствами, Арнольд? Я не могу взять и вот так просто выключить их, словно лампу. Мне больно, я люблю тебя.

Арнольд Валентинович (устало, но с некоторым раздражением)

Да о чём ты говоришь, Русь? Пару раз месили с кокосом – какие тут могут быть чувства? У тебя Маринка-красавица, Ванюша чудесный мальчонка. Сын, блядь! К ним у тебя чувства, Ру-ру, а мы с тобой так – пыль, морок и блажь. Забудь и живи себе нормально дальше.

Руслан (сначала гневно, а затем пылко)

Ну ты и сволочь, Арнольд. Ты просто скотина, свинья. Ненавижу тебя. Нет, нет, прости, я не понимаю, что я говорю. Давай ещё раз встретимся. Как в наш первый раз – в Майских банях, помнишь?

Арнольд Валентинович

Слушай, на улице танки стреляют, а ты серенадами кроешь – нашёл тоже время и место... Нас сейчас девки хватятся и искать пойдут. Потом решим. Бери и пошли.

Руслан

Я возьму, но ты обещаю, что мы с тобой встретимся хотя бы ещё один раз.

Арнольд Валентинович

Ладно, ладно. Встретимся разок. Понесли.

Театральные деятели берутся с двух сторон за круглый стол и несут его по коридору в направлении задней левой кулисы. По мере того, как они приближаются к кулисе, плавно гаснет свет.

Картина IV

Поворачивается сценический круг и зритель видит, как из задней левой кулисы на сцену выносят стол Арнольд Валентинович и Руслан. Они несут его к расставленным пяти стульям и ставят стол в их центр.

Затем Руслан подходит к стоящей у задника сцены Марине и начинает с ней что-то обсуждать явно на повышенных тонах.

Геля, сидя на краю сцены, достав из рюкзака залитую термосом пьесу и надев очки, пытается разобрать в ней хоть что-нибудь. Виновник произошедшего с Гелиным экземпляром пьесы – большой чёрный термос – стоит с ней рядом.

Анастасия Романовна

Вас за смертью посылать, честное слово. Что так долго?

Арнольд Валентинович (раздражённо)

Всё заставлено – чёрт ногу сломит, Тась, мы еле разгребли. Когда Люська порядок там наведёт?

Анастасия Романовна

Люсю не трожь. Там всё из актуального репертуара, куда убирать прикажешь? Со склада каждый раз монтерам тащить?

Арнольд Валентинович

А хоть бы и потаскали – не переломятся.

Анастасия Романовна

Конечно, не переломятся – что они, идиоты? Уволятся – сам будешь таскать? Так у тебя в договоре не обозначено. Ладно, хватит пререкаться, давай делом займёмся.

Анастасия Романовна ставит на стол оба принесённых пакета и, порывшись, достаёт из красного пакета с надписью “Ашан” одноразовые пластиковые стаканчики и большой двухлитровый пакет с яблочным соком “Мой Сад”.

Арнольд Валентинович (ворчливо)

Так мы *читаем* сегодня или мы сегодня жрём?

Анастасия Романовна (терпеливо)

Почитаем, потом прервёмся и перекусим. Что ты всё время ворчишь, Ноля, как старый дед?

Арнольд Валентинович (темпераментно-заискивающе)

Да ты же кормилица наша. Ты ведь знаешь, Тасенька, что я тебя люблю изо всех сил.

Анастасия Романовна (весело)

Знаю, знаю. Смотри, работы лишу. Марин, иди-ка вазу из гримерки принеси, ёлки воткнём.

Марина (уходит за правую кулису)

Лечу, Анастасия Романовна.

Анастасия Романовна достаёт из прозрачного пакета с мандаринами пять мандаринов и кладёт в центр стола. Затем Анастасия Романовна достаёт из красного пакета с надписью "Ашан" сборник еловых веток и кладёт его на стол. Пакеты Анастасия Романовна ставит на пол.

Арнольд Валентинович (скептически)

Веник тоже из Ашана?

Анастасия Романовна (вздыхает)

С кладбища веник, Ноля. Мурадушку с утра навещали, так я веток еловых нарвала у могилки. Смотри, какие ладные, Новым Годом пахнут.

Анастасия Романовна берёт со стола еловую ветку и с шумом вдыхает воздух рядом с ней.

Арнольд Валентинович (стучит себя по лбу)

Тридцатое декабря... Сегодня же у Абрамыча година! А я и забыл совсем.

Анастасия Романовна

Сегодня, сегодня. Три года, как нас с Гелькой бросил, старый хрен.

Геля (болтает ногами, сидя на сцене, непринуждённо качает головой)

Мамочка, ну зачем ты так про папочку? Он же не нарочно себе второй инфаркт нарисовал.

Анастасия Романовна

Не второй, а третий, Геш. И не инфаркт, а инсульт.

Геля (весело)

Ну конечно же третий инсульт, мам. Оговорила, мамуль. Извини.

Марина приносит из правой кулисы большую коричневую керамическую вазу с античным узором и ставит её в центр стола. Анастасия Романовна ставит в вазу еловые ветки.

Марина (качает сокрушенно головой)

Мурад Абрамович, родненький наш... Земля тебе пухом.

Арнольд Валентинович (качает головой)

Какой был бутафор! Глыба! Теперь таких уже нет, всё какая-то мелочь. Да-а-а, герпес человеческий.

Руслан (садится за стол)

Надо же, и я забыл.

Геля (болтает ногами и, улыбаясь, невидящим взглядом смотрит в вечность в направлении звукорежиссёрской рубки)

Мы с мамой утром еле к нему прошли. Холмики в снегу, снегири мечутся, граниты блестят на солнышке. Лежит наш папочка под белым одеялом и смотрит сон про лето в любимом Машкове.

Анастасия Романовна (усмехается)

Знаю я, про что он сон смотрит. А ну-ка помянем.

Анастасия Романовна откупоривает пачку сока "Мой Сад", разбирает стопку одноразовых стаканчиков и разливает сок.

Анастасия Романовна

Мандарины кушайте. Мурадушка говорил: сколько не возьми – всё их мало. Сильно мандарины любил, килограмм мог съесть за присест. А вот апельсины не любил: уж больно, говорил, они какие-то здоровые.

Актёры подходят к столу, разбирают стаканчики, мандарины, чистят их от шкурки, шкурку складывают на стол, едят мандарины, пьют сок.

Арнольд Валентинович (жуёт мандарин, запивает соком)

Можно бы, конечно, чего покрепче. Коньячок пивали, помню... "Ахтамар" брали, помню, и прямо в цеху всё это (рассеянно трёт горло под шарфиком, швыркает носом). Да-а, душевное было... Да...

Анастасия Романовна (весело)

Душевное было... Это чтобы ты на месяц в запой? Плавали, помним. Ты сказал "работать, а не жрать" – так и работай, а не жри. Помянули и хватит. А ну давайте шкурки сюда и мигом за читку.

Анастасия Романовна достает из красного пакета с надписью "Ашан" ещё один пустой красный пакет с надписью Ашан и, сформировав из него форму наподобие овального гнезда, ставит на стол. Присутствующие послушно кидают в него мандариновые шкурки, после чего Анастасия Романовна формирует из пакета компактный свёрток и убирает пакет с очистками обратно в пакет с надписью "Ашан" из которого торчит багет.

Двухлитровая пачка сока "Мой Сад" остаётся стоять в центре стола рядом с вазой с еловыми ветками.

Картина V

Арнольд Валентинович (сильно потирая лоб, энергично)

А и правда. Так, [материал](#) достали, работаем.

Все послушно рассаживаются вокруг стола. По центру садится Арнольд Валентинович, справа от него – Анастасия Романовна, слева – Руслан, Справа от Анастасии Романовны садится Марина, а слева от Руслана садится Геля. Все достают из сумок и рюкзаков свои экземпляры. Геля, отложив в сторону свой залитый кофе экземпляр, заглядывает в экземпляр Руслана.

Геля

Русь, можно, я у тебя почитаю, а то у меня не видно ничего.

Руслан (подвигает свой экземпляр ближе к Геле)

Конечно, Гель. Двигайся ближе.

Геля пододвигается вместе со стулом к Руслану вплотную, касаясь его грудью.

Арнольд Валентинович (сложив руки рупором, кричит в направлении звукорежиссёрской будки)

Серёга, подъём. Вставай, анфан террибль.

Раздаётся хрип в порталах, а сразу затем – Серёжин низкий бас.

Серёжа (низко, обиженно)

Опять вы обзываетесь, АрнольТиныч.

Арнольд Валентинович

Это тебе французский комплимент. Ну-ка, найди мне чайку и колокол, Серёжа.

Серёжа

Спасибо, АрнольТиныч. Ща я посмотрю, АрнольТиныч.

Арнольд Валентинович

Пьеса у нас называется “Наследство”. Написал пьесу сорок лет назад приятель Анастасии Романовны по фамилии Владимирóвич. Так, Анастасия Романовна?

Анастасия Романовна (мечтательно смотрит в прошлое)

Эллен он с меня писал, пока мы с ним, хм, дружили. Потом мы с ним разбежались, а в семьдесят шестом он уехал во Францию, жил какое-то время в Марселе, спился и умер там нищим бомжом от цирроза печени, такой дурак.

Геля

Мамочка, правда? Это про тебя пьесу написали?

Анастасия Романовна

Ну, там не про меня. Я, скажем так, несколько попозировала.

Марина (восторженно)

Ой, как романтично, Анастасия Романовна! Давайте скорее почитаем.

Арнольд Валентинович (надевает на нос очки, берёт пьесу в руки, делается серьёзным и сосредоточенным)

Стоп, Марина. Так. Ты у нас, Марина, Софи Диор. Руслан – Жак, Геля, ты Эллен, а ты, Анастасия Романовна, соответственно – Женевьева Фрезье.

Анастасия Романовна (качает головой, шуточно)

Ну и сволочь же ты, Дорожный. Писал Вовка с меня 20-летнюю девку, а играть мне 70-летнюю старуху.

Арнольд Валентинович (пожимает плечами)

А я-то что? Геля – вылитая ты. Ей, что ли, 70-летнюю старуху играть? В смысле – извини, Тась.

Анастасия Романовна (весело)

Я ж говорю: сволочь ты, Дорожный!

Геля

Правда, мамочка? Вылитая ты?

Анастасия Романовна (весело)

Не вылитая, но сходство имеется, так что вперёд.

Геля (шуточно отдаёт честь)

Есть!

Руслан

А вот тут ещё роли указаны, Арнольд.

Арнольд Валентинович

Там голоса, дадим их в записи. Пока что я их почитаю.

Внезапно из порталов раздаётся громкий колокольный набат. Все вздрагивают и оборачиваются.

Марина

Господи, Серый, ты нас убить хочешь?

Серёжа (басом)

АрнольТиныч сказал колокола дать, че не так?

Арнольд Валентинович

Серёжа, я тебя просил маленький колокольчик, как в Одесской Киностудии, а ты Пинина и Можарского нам вывешиваешь. Там колокольчик в пьесе на входной двери висит, маленький надо колокольчик, маленький поищи.

Серёжа

Откуда я знаю, какие в одесской студии колокольчики, Арноль Тиныч? Сейчас другие посмотрю, у меня тут ещё много есть.

Арнольд Валентинович

Посмотри, посмотри, Серёжа.

Из порталов тут-же раздаётся шум прибоя, крик чайек где-то вдали и низкий громкий гудок океанского лайнера

Серёжа

Вот такие ещё чайки есть, Арноль Тиныч.

Арнольд Валентинович

Это не те чайки, Серёжа. Надо чтобы просто одна чайка, без морей и пароходов. Чайка эта там по ходу пьесы в открытое окно кричит несколько раз. Поищи, Серёжа, чайку-соло. Слушай, поищи там в наушниках, Серёг, а? Собери там в папочку маленькие колокола и одиноких чайек, я тебя потом попрошу мне поставить – так и выберем. В колонки ты больше ничего не включай, пока я не попрошу. А то и правда помереть недолго.

Серёжа (уныло, обидевшись)

Как скажете, Арноль Тиныч. Вы же сказали поставить – вот я и поставил.

Арнольд Валентинович (машет на звукорежиссёрскую рубку рукой)

В общем, первое действие у нас начинается так: середина прошлого века, портовое кафе во Франции. Безлюдное помещение освещено свечами. За барной стойкой стоит Жан – это у нас ты, Руслан, – и ждёт неких посетителей. Он ругается себе под нос, поливает цветы, пьёт из бутылки коньяк. Ты у нас наполовину алжирец, Руслан.

Руслан (подозрительно щурится)

Алжирец?

Арнольд Валентинович

Да, Руслан, алжирец. Наполовину (поднимает предостерегающе палец вверх).
Дальше внутрь заходит юная красавица, брюнетка Эллен – это у нас ты, Геля.
Только железки из носа надо будет вынуть.

Геля

Хорошо, Арнольд Валентинович. Ой, чёрный парик мне сделаем? Красота!

Арнольд Валентинович

Да не перебивайте вы, я сюжет даю. В общем, так: хозяин кафе, Жан-Поль Диор, последнее время тяжело болел раком. Три дня назад он покончил жизнь самоубийством и оставил завещание, в котором, во-первых, наказал сжечь себя в крематории и удобрить своим пеплом растения, растущие на стенах принадлежащего ему кафе, а во-вторых – отписал это самое кафе, свою квартиру и деньги в наследство четырём людям. Первый из этих людей – Жак. Жак – работник кафе, выполняющий в этом самом кафе все обязанности от повара и официанта до бармена и уборщика. Вторая – Эллен. Эллен – молодая красивая девушка, продавщица из газетной лавки, расположенной на первом этаже дома, в котором находится квартира Жан-Поля Диора, – он покупал у неё газеты и сигареты последние два года. Третья – дочь Жан-Поля, Софи, с которой он разругался и которую выгнал из дома много лет назад. Это ты, Марина. И четвёртая – мадам Фрезье. Женевьева Фрезье – пожилая соседка Жан-Поля, с которой он знаком с детства и которая ухаживала за ним в последний год его жизни. Вот этим четырём людям Жан-Поль завещал кафе, в котором они все встречаются нынче вечером, чтобы решить, что им с этим наследством делать дальше. Такая у нас общая сюжетная линия. Вопросы?

Геля (хлопает в ладоши)

Ой, какое всё французское! Давайте же быстрее, быстрее читать!

Марина

А почему он меня из дома выгнал, Арнольд Валентинович?

Арнольд Валентинович

Потому что материал надо было читать, Марина. Если вкратце – ты от ЭСЭСовца залетела.

За столом все смеются

Марина (улыбается)

Извините, Арнольд Валентинович.

Звонит чей-то телефон. В качестве рингтона – [Полонез Огинского](#). Анастасия Романовна лезет в карман висящей на спинке стула шубы, достаёт оттуда телефон и смотрит, кто звонит.

Анастасия Романовна (прикрыв рукой трубку)

Секунду, это Дройф.

Слушаю, Юрий Сигизмундович. Да-да, конечно, все мы здесь. Откуда? А что за срочность, Юрий Сигизмундович, почему не после праздников? Понятно, что тут скажешь. Ну как спокойно – вы же смотрите телерó? Да, тут с нами совсем рядом. Нет, у нас вроде пока всё в порядке. Ну ладно, раз директива, что я могу сказать. Во сколько придут? Уже? Мы люди подневольные, что делать. Ну

что-ж... Да, Юрий Сигизмундович, я звоню на вахту. Да, всего доброго и вам. С наступающим, Юрий Сигизмундович.

Арнольд Валентинович

Ну, мы сегодня будем читать? Что там твой Дройф, Тась?

Анастасия Романовна

Чего это он мой? Представляешь, проверочная комиссия сейчас придёт. Дройф сказал.

Арнольд Валентинович

В смысле куда придёт?

Анастасия Романовна

В смысле сюда придёт. Культисполком от регуправления только что распоряжение получил: они сегодня ходят и проверяют. В связи с этим, как... Мадамским восстанием, черт его.

Марина

Даманским, Анастасия Романовна

Анастасия Романовна

Да какая разница...

Арнольд Валентинович

В смысле вот прямо сегодня вечером сюда придут?

Анастасия Романовна

Прямо сейчас. Дройф так сказал – они как придут, так сразу и уйдут. Посмотрят, пару вопросов зададут, с Новым годом поздравят и уйдут.

Арнольд Валентинович (уныло)

Бог мой, Настенька. Как же мне всё это осточертело... Танкисты, комиссии... Дройф этот твой. Ну как, скажи мне, как можно всё это терпеть? Как можно прилично работать в этом бесконечном дурдоме? Прав был Владимирóвич твой: лучше сдохнуть у моря пьяным без штанов, чем наша тысячетлетняя хмарь с танками, быдлом и проверочными комиссиями.

Анастасия Романовна

Это наша родина, Арнольд.

Арнольд Валентинович (тоскливо-саркастично)

Родина, ага. Степей и нив бескрайние просторы, боры́ и прели стонущей души... А-а-а... Герпес человеческий...

Анастасия Романовна

Перестань ныть, Арнольд.

Анастасия Романовна звонит по телефону.

Зоя Анатольевна? Да, это я. Слушай, Анатольевна, там сейчас проверочная комиссия придет,пусти их и отправь сюда на сцену. Да вот они совсем скоро уже должны подойти... Только не вздумай людям хамить. Что? А то я тебя не знаю. Давай, до свидания.

(Кладет телефон перед собой на стол.)

Всё, можем читать, Арнольд.

Арнольд Валентинович

Ну давайте, сколько успеем. Серёжа, есть чего в смысле звуков?

Из порталов звучит корабельный колокол

Арнольд Валентинович

Серёжа, бя! Извините, дамы. Я же просил чайку. Одну чайку без колокола сейчас поставь, а не колокол без чайки. Ты что, бя, антипод? Извините, дамы.

Серёжа (очень низким хриплым басом)

Извините, АрнольдТиныч, я думал, чайка после колокола.

Арнольд Валентинович

Не везде, Серёжа.

Из порталов тревожно кричит чайка.

Картина VI

Слышатся тяжёлые шаги и из правой кулисы на сцену выходит странного вида троица.

Впереди – подтянутый сухощавый среднего роста лет примерно пятидесяти в длинной до пят новенькой шинели, но без головного убора. Мышиного цвета волосы острижены коротко, но не слишком. Сухощавый держит в руках большой, напоминающий небольшую картину, планшетный компьютер в ажурной золоченой багетной рамке.

За сухощавым следуют двое полных неопрятных ростом ниже или около среднего в белых медицинских халатах и шапочках. Они похожи друг на друга,

как две разные капли воды. На поясах у мужчин висят большие чёрные резиновые дубинки. Тот, что слева, несёт на плече нечто, вскоре окажущееся складными носилками в бурых пятнах.

Капитан Зубов (смотрит в планшет и читает)

Добрый вечер. Камерный драматический театр "Млечный путь", директор Марценвельд Анастасия Романовна, режиссёр Дорожный Арнольд Валентинович?

Анастасия Романовна

Да-да, добрый вечер. Вы проверочная комиссия? Юрий Сигизмундович предупредил, что вы сейчас придёте. Проходите, пожалуйста, осматривайте всё, что требуется.

Капитан Зубов (сухо, безэмоционально)

Старший капитан господин Дмитрий Борисович Зубов, действительный федеральный прокурор-исполнитель по центральному региональному округу.

Анастасия Романовна (удивленно, властно)

Действительный федеральный кто? Это что, новогодний розыгрыш?

Капитан Зубов

К сожалению, нет, Анастасия Романовна. Всем оставаться на своих местах. Товарищи, проконтролируйте.

Неопрятные, нехорошо скалясь, проходят и встают лицом к залу позади сидящих за столом.

Арнольд Валентинович (встаёт со стула, раздражённо)

“Проконтролируйте”? Что “проконтролируйте”? Что вы здесь контролировать хотите? Вы в театре, между прочим. Я понимаю: у вас проверка, но давайте всё же по-человечески себя вести.

Капитан Зубов коротко кивает Олегу на Арнольда Валентиновича, тот снимает с пояса резиновую дубинку и бьёт вставшего с места Арнольда Валентиновича по почкам. Арнольд Валентинович с коротким стоном падает обратно на стул, остальные в ужасе и недоумении смотрят на происходящее. Анастасия Романовна зажимает рот рукой и негромко охает.

Со своего стула на защиту режиссёра инстинктивно приподнимается Руслан. Он, однако, не успевает сделать ровным счётом ничего и, получив от второго пристава-исполнителя Романа дубинкой по затылку, без сознания оседает на пол.

Пристав Олег (с нехорошей ухмылкой, поигрывая дубинкой, в сторону Арнольда Валентиновича)

Ты хотел по-человечески? Сиди на месте, тебе же сказали по-человечески русским языком. Русский понимаешь? Или ты только французский понимаешь? Сидеть всем как зайчики, перхоть гнойная. Слышь, брат Роман, ты пациента там не решил?

Пристав Роман (также с нехорошей ухмылкой)

Да хули ему будет, брат Олег. Шевелится. Я своё дело знаю, раньше времени не утратим. Садись давай обратно, герой с дырой. Только спокойно и без шуток, а то у нас в инструкциях все полномочия есть.

Руслан, держась за затылок, медленно поднимается с пола и садится обратно на стул.

Марина (дрожащим голосом)

Что здесь происходит, кто вы такие? По какому праву вы бьёте моего мужа?

Капитан Зубов (успокаивающим голосом, смотрит в планшет-картину)

Спокойно, Марина Эрнестовна Сидорова.

Капитан Зубов меняет интонацию речи и начинает читать в планшетном компьютере безэмоциональным казённым голосом.

Я есть старший капитан Зубов Дмитрий Борисович, действительный прокурор-исполнитель по центральному региональному округу, уполномоченный федеральным культисполкомом по центральному региональному округу, а также федеральной исполнительной прокуратурой по центральному региональному округу.

Согласно Приказу №6 "О новой культурной политике, творческом государственном пространстве и морально-половом праве" межведомственного исполкома государственной безопасности, 30 декабря этого года мне и приставам-исполнителям надлежит провести передвижное оперативное судебно-исполнительное заседание по делу коллектива камерного драматического театра "Млечный Путь".

Согласно общему своду инструкций выездного оперативного передвижного судебно-исполнительного заседания по морально-половому праву, при неподчинении обвиняемых требованиям прокурора-исполнителя, к обвиняемым надлежит незамедлительно применить все имеющиеся в распоряжении команды прокурора-исполнителя средства и меры вплоть до самых крайних.

Анастасия Романовна (дрожащим голосом)

Кто вы такие, что за чертовщина здесь происходит? Дройф сказал, вы осмотрите зал, поздравите нас с Новым годом и уйдёте.

Капитан Зубов (спокойно)

С новым годом, Анастасия Романовна. Согласно приказу №6 "О новой культурной политике, творческом государственном пространстве и морально-половом праве" центрального межведомственного исполкома государственной безопасности оперативные передвижные судебно-исполнительные заседания по морально-половому праву проводятся в отношении деятелей культуры и коллективов подведомственных им учреждений согласно имеющемуся у меня утверждённому списку от межведомственного исполкома государственной безопасности. В случае неподчинения к обвиняемым будут применены меры согласно своду инструкций передвижного оперативного судебно-исполнительного заседания по морально-половому праву.

Капитан Зубов коротко кивает приставу Роману

Старший капитан Зубов

Товарищ Роман, у нас недопонимание.

Роман вразвалочку подходит к Анастасии Романовне вежливо трогает её за плечо и, когда она поворачивается к нему лицом, размахнувшись, наотмашь бьёт её ладонью по щеке. Анастасия Романовна припадает грудью на стол, вертит головой, носом у неё идёт кровь. При виде того, что происходит с её матерью, вскакивает Геля и пытается вцепиться в лицо приставу Олегу. Олег уворачивается, хватает Гелю за волосы, заламывает руку и легонько бьёт головой об стол. У Гели носом тоже идёт кровь. У Анастасии Романовны кровь идёт из левой ноздри, а у Гели – из правой.

Пристав Олег (нехорошим тихим голосом)

Прокурор-исполнитель не шутит, так что юшку утёрли и сидим внимательно слушаем. Господин Дмитрий Борисович сейчас всё по пунктам подробно вам объяснит. Спокойно, пацаны.

Олег откидывает полу халата и демонстрирует вострепёнувшимся было Руслану и Арнольду Валентиновичу кобуру с пистолетом, висящую на поясе.

Капитан Зубов

Спасибо, товарищ Олег. Дай им утереться, у Анастасии Романовны кровь носом идёт.

Олег роется в карманах халата, достаёт огромного размера грязный носовой платок и, развернув его, кладёт перед Анастасией Романовной и Гелей.

Пристав Олег (проникновенно, как бы извиняясь)

Накось, утрись, мать. Ты ровно на жопе своей жирной сиди и шлюшке своей скажи, чтобы ровно сидела. Вы, девоньки, тут мне не рыпайтесь, а то работа у нас нервная, сами должны понимать.

Резко меняет интонацию и рывкает.

Утёрлись, суки!

Женщины, плача, берут со стола платок и по очереди утирают разбитые носы.

Пристав Роман (с ухмылкой)

Контакт наладили, господин Дмитрий Борисович.

Капитан Зубов (унифицированным казённым голосом)

Спасибо, товарищ Роман.

Обвиняемые, настоятельно рекомендую вам быть снисходительными к некоторой нашей грубости в обращении с вами. Уверяю вас, без своевременной и чёткой реакции на неповиновение здесь и сейчас было бы гораздо больше ненужной крови. Должен сказать, что действуем мы подобным образом не от того, что нам это сколько-нибудь нравится, а лишь для поддержания судебного-исполнительного порядка и исключительно в рамках свода инструкций передвижного оперативного судебного-исполнительного заседания по морально-половому праву. Не сто́ит воспринимать это вступительное слово, как оправдание и уж тем более как извинение перед вами: то незначительное физическое воздействие, которое было к вам сейчас применено исключительно в целях обеспечения порядка передвижного оперативного судебного-исполнительного заседания по морально-половому праву, было применено дозировано и находилось целиком и полностью в рамках имеющихся юридических полномочий. Прошу не перебивать меня: когда придёт для того время, я попрошу обвиняемых высказаться. В случае несанкционированных реплик со стороны обвиняемых, к обвиняемым снова и немедленно будут применены меры физического воздействия – согласно своду инструкций передвижного оперативного судебного-исполнительного заседания по морально-половому праву.

Интонация голоса капитана Зубова меняется на конферативно-торжественную, также меняется и сценическое освещение (по усмотрению режиссёра и художника по свету)

Капитан Зубов

Передвижное оперативное судебное-исполнительное заседание по морально-половому праву в отношении коллектива камерного театра “Млечный Путь” объявляю открытым.

Правый неопрятный, пошарив, достает из кармана халата звонок вроде тех, что стоят в гостиницах на стойке регистрации и жмёт на него. Раздается мелодичный звон. Звонок убирается обратно.

Картина VII

Капитан Зубов

И что же это вы, граждане, позорите? Ведёте себя как чёрте кто: рукоблудите, понимаешь, суετε в кого попало, в вас кто попало суёт, от того потом дети незаконные получаются, дети эти потом как свиньи бесхозные себя ведут. Ну как же так можно вести себя культурным работникам в нашем любимом центральном региональном округе, а?

Роман и Олег нехорошо посмеиваются, поигрывая дубинками

Совершенно неразборчивы вы в своих половых желаниях и связях. Вот ты, Арнольд Валентинович. Ты же на старости, я извиняюсь у дам, хочешь засунуть во всё, что попадает тебе в глаз. Так или не так?! Разве это правильно, разве это по-нашему, по федерально-региональному? Разве это справедливо по отношению? Нет! Разве справедливо, что ты, Дорожный, одновременно шлифуешь присутствующих здесь Марину Эрнестовну и Руслана Олеговича Сидоровых, являющихся меж собой законными супругами, хоть отношения их и далеки, а? А они друг перед другом ни сном - ни духом, ни жопой - ни ухом? А? А о сыне их Иванушке ты подумал, когда маму с папой его по очереди тайно пользовал? Как он там один у бабушки с дедушкой родителей своих ненастной ноченькой кличет? А я не удивлюсь, если подумал – потому ты у нас разносторонне талантливый гражданин.

Марина и Руслан оторопело смотрят друг на друга, а затем – на Арнольда Валентиновича Дорожного. Он сидит, уронив лицо в поставленные на стол руки.

А ты знаешь, что мужество, с которым ты порочно балуешься в недрах Руслана Олеговича Сидорова, является с 23 декабря сего года серьёзным правонарушением и по новому федерально-региональному своду инструкций предусматривает суровое наказание вплоть до самого серьёзного?

Марина (в крайней оторопи)

Что?

Руслан роняет лицо в руки и качает головой

Капитан Зубов

Молчать всем. А знаешь ли ты, Арнольд Валентинович, что Ангелина Герман, дочь присутствующей здесь гражданки Анестезии Романовны Марценвельд и ныне покойного гражданина Мурада Абрамовича Германа, не его дочь, а твоё отродье? Спасибо скажи, что окучить её не успел. А ведь подбирался, Арнольд Валентинович? Посматривал, посматривал, облизывался, кобелина.

Анастасия Романовна (кричит)

Это ложь! Как вы смеете?!

Капитан Зубов (резко меняя интонацию)

Какая же ложь, Анастасия Романовна. Минуточку, сейчас.

Дмитрий Борисович смотрит в золоченый планшет, жмёт в нём какие-то позиции и, чуть погодя, начинает зачитывать текст.

Да вот, извольте. “Двадцать восьмого сентября одна тысяча девятьсот девяносто девятого года режиссёр-практикант Арнольд Валентинович Дорожный посещает находящуюся у себя дома актрису Анастасию Романовну Марценвельд.

Воспользовавшись отсутствием её супруга, театрального бутафора Мурада Абрамовича Германа, находившегося на тот момент в творческой командировке в ТЮЗе Шёнбурга на постановке трагедии “Не клюёт” драматурга А.

Вампирова, Арнольд Валентинович Дорожный вступает с актрисой Анастасией Романовной Марценвельд в половую жизнь продолжительностью один час тридцать три минуты двенадцать с половиной секунд. Контрацептивы при этом Дорожный не использует, так как Анастасия Романовна сообщает Арнольду Валентиновичу о том, что является бесплодной и к зачатию детей неспособна. По результату этой встречи Анастасия Романовна несёт и через девять месяцев благополучно разрешается от бремени дочерью Ангелиной, отцом которой официально объявляется Мурад Абрамович Герман.”

Арнольд Валентинович, подняв голову из рук, оторопело смотрит на Анастасию Романовну Марценвельд: теперь она роняет лицо в руки и начинает истерически рыдать. Геля пристально и серьёзно смотрит на Арнольда Валентиновича. Руслан и Марина ошоловело таращатся друг на друга.

Кстати, Дорожный, и вы, Анастасия Романовна. Дочь ваша Ангелина, несмотря на свой юный возраст, регулярно и с удовольствием принимает активное участие в незаконных свально-групповых отношениях с участием знакомых как своих, так и чужих. Не так ли, Ангелина? Кроме того, Ангелина, испытывая незаконный интерес полового характера к актеру театра “Млечный Путь” Руслану Олеговичу Сидорову, законному супругу Марины Эрнестовны Сидоровой, регулярно занимается рукоблудием, рассматривая аккаунт Руслана Олеговича Сидорова в виртуально-социальной сети “Просторы”.

Геля звонко плачет, уронив лицо в руки

Старший капитан Зубов

И как же, скажи, после такого своего морально-полового поведения все вы намерены нести культурный свет искусства федерально-региональной публике, вашим дорогим центральным землякам? Какой вы сможете передать им морально-половой пример?

Анастасия Романовна (всхлипывая)

Сволочи, сволочи, сволочи... Да какое ваше... Ложь, всё это ложь.

Старший капитан Зубов

Ну как же – какое наше... А чьё же, Анастасия Романовна, если не мы? Да вы посмотрите сами, Анастасия Романовна. Вот, запись совсем свежая.

Роман и Олег одобрительно смеются ещё громче, кивают головами и начинают громко аплодировать.

Зубов демонстрирует Анастасии Романовне что-то в золочёном планшете, она пытается не смотреть, закрывая глаза рукам. Зубов коротко кивает Роману. Тот подходит сзади и грубо берёт Анастасию Романовну за связанные в клубок волосы.

Роман

Смотри, мать, смотри, zenки свои директорские не прячь. Лучше по-хорошему смотри, а не то так попрошу, что без глаз останешься. Бывали прецеденты.

Зубов запускает в планшет видео, издающее страстные стоны мужскими и женскими голосами. Анастасия Романовна, удерживаемая за волосы приставом Романом, смотрит несколько секунд в планшет, затем теряет сознание и повисает на волосах в руке у Романа.

Геля

Мамочка, мамочка! Что вы сделали с мамочкой, сволочи?!

Марина Сидорова тихо визжит от ужаса, закрыв рукой рот. Роман опускает за волосы голову Анастасии Романовны на стол, поворачивается к Марине и отвешивает ей увесистый подзатыльник. Голова Марины, дернувшись, несильно ударяется о стол лбом. Марина хватается за лоб левой рукой и замолкает.

Руслан (*чуть привстав, смотрит то ли с ненавистью, то ли с ужасом исподлобья, хрипло шепчет*)

Твари, что вы делаете? Это же женщина, вы же женщин бьёте...

Роман (*тычет Руслану в шею дубинкой*)

Тихо мне тут, мужчина, а-ха-ха. Ты, Руслан Олегович, даже и не думай рыпаться: всей дырявой семейкой ляжете. Лучше тихонько сиди и о Ванюше своём думай, петушара дешёвая.

Руслан закрывает лицо руками и тихо стонет.

Капитан Зубов

У нас ведь, Руслан Олегович, в государственном образовании абсолютное равноправие: несть в том равноправии ни женщин, ни мужчин, ни иудейки, как говорится, ни эллина. А здесь и сейчас у нас конкретно есть коллектив подсудимых и команда передвижного оперативного судебного-исполнительного заседания, действующая исключительно в рамках имеющегося у неё свода инструкций передвижного оперативного судебного-исполнительного заседания по морально-половому праву. Товарищ Роман, подлечи.

Роман (*обернувшись к Геле, указывая дубинкой на лежащую без сознания Анастасию Романовну*)

Видишь, Гелька, паскуда, до чего матушку свою довела? Да не ссы, приведём обратно. Брат Олег, достань бабке нашатырки.

Олег достаёт из висящей на поясе сумки какой-то мутный пузырёк и, подойдя к столу, тычет им в нос Анастасии Романовне. Та не реагирует. Олег хлопает её по щекам, но та все равно не реагирует.

Арнольд Валентинович (полусёпотом)

Что же вы, сволочи, фашисты... Ей помощь нужна. Вызовите скорую...

Капитан Зубов меняет интонацию на казенную

Вызов скорой не предусмотрен сводом инструкций передвижного оперативного судебного-исполнительного заседания по морально-половому праву. Скорая может быть вызвана только по окончании передвижного оперативного судебного-исполнительного заседания по морально-половому праву. Инструкции, Арнольд Валентинович. Товарищи, во избежание возможного нарушения инструкций передвижного оперативного судебного-исполнительного заседания по морально-половому праву повелеваю надеть на подсудимых наручники.

Олег

На старуху тоже, господин Дмитрий Борисович?

Капитан Зубов

На всех, товарищ Олег, на всех здесь присутствующих. Включая, конечно же, и Анастасию Романовну Марценвельд.

Роман подходит к Арнольду Валентиновичу и приставляет к его виску пистолет.

Роман

Давай, брат Олег, вяжи. Смотрите: кто дернется – сразу контрольный: инструкции позволяют.

Олег достаёт нарушники и по очереди защелкивает их на руках подсудимых, лежащих на столе.

Олег

Сделано, господин Дмитрий Борисович.

Капитан Зубов

Спасибо, товарищ Олег. Товарищи, приступаю к óчкам, а то не уложимся. Товарищ Роман?

Пристав Роман достаёт судебный звонок и жмёт на него. Звонок тут же и звенит.

Картина VIII

Капитан Зубов

Все вы, здесь присутствующие – грязные животные, презревшие морально-половое право нашего дорогого центрального федерально-регионального объединения. Вот ты, Арнольд Валентинович! И как же тебе не совестно, когда Руслан и Марина Сидоровы – твои подчинённые актёры, а ты, бессовестный кобель, данной тебе культуправлением властью и навыками воспользовался бессовестно для того, чтобы пихать свой суй в ячею́ нашего центрального федерально-регионального объединения – супружескую

актёрскую семью, имеющую ребёнком сына их Ивана? Что ж, им я сейчас и даю сказать друг-другу в своё оправдание. Итак, что же вы имеете сказать в своё оправдание, актриса Марина Эрнестовна Сидорова своему официальному супругу Руслану Олеговичу Сидорову в оправдание? Говорите, говорите. Будете молчать – товарищи будут применять имеющийся у них свод инструкций передвижного оперативного судебно-исполнительного заседания по морально-половому праву в полном объёме. Товарищ Олег, проконтролируй.

Пристав Олег подходит к Руслану, легонько стукнув его дубинкой по голове, отчего голова Руслана еле заметно дергается.

Капитан Зубов подходит к Марине и начинает отечески гладить её рукой по волосам.

Капитан Зубов (проникновенно, ласково)

Ну что же ты боишься, дура сердешная? Смотри-ка, дрожишь вся, что лист на ветру. Да неужто мы звери какие? Ведь люди мы, почти такие же, как и ты, и добра тебе желаем и всем вам мы желаем добра. Однако свод инструкций передвижного оперативного судебно-исполнительного заседания по морально-половому праву требует предать очной тебя и мужа твоего, дабы осознали степень, очистили души перед другом, перед коллегами, перед передвижным оперативным судебно-исполнительным заседанием по морально-половому праву. Ты, главное, первое слово скажи, Марина Эрнестовна. Слово первое – оно ведь самое трудное, а как ты его скажешь – дальше-то и само пойдёт. Уж я знаю, ты верь.

Меняет интонацию, даёт Марине лёгкий подзатыльник.

Давай, давай, Марина Эрнестовна, побыстрее. Не мычишь-не телишься, а нам сегодня, кроме вас, между прочим, ещё три точки ставить.

Неожиданно для всех Марина вскакивает с места и сцепленными в замок руками наносит довольно сильный удар в лицо Капитана Зубова. Тот падает на пол, схватившись за голову, но тут же он поднимается и зрители видят, что из довольно глубокой царапины на правой щеке Капитана Зубова течет кровь – тому виной стальные наручники на руках Марины.

Марина визжит, она в истерике. Пытаясь броситься на Капитана Зубова, Марина цепляется ногами за свой стул и падает вместе со стулом рядом с Зубовым.

К ней бросается пристав Роман, хватая за голову и прижимает шею Марины коленом к полу.

Тут же со своего места на защиту жены вскакивает с места Руслан Сидоров, но, получив дубинкой по голове от пристава Олега, также падает на пол вместе со стулом. Уже на полу Руслана несколько раз сильно бьёт дубинкой в лицо пристав Олег – до тех пор, пока Руслан не затихает.

Марина в истерике, она визжит, извивается, шипит и плюётся, пытаясь попасть приставу Роману в лицо.

Марина Сидорова (кричит, срываясь на визг и хрип)

А-а-а-а! Твари поганые, будьте вы прокляты! Аааааа! Палачи! Ненавижу!
А-а-а-а!

Капитан Зубов (убирает с щеки кровь, смотрит на руку)

Спокойно, товарищи, спокойно. Сами виноваты: не доглядели. А внимательнее надо к работе быть – мы же тут не с детишками в планетарии играемся. Здесь у нас злостные нарушители, можно и нужно сказать, матёрые рецидивисты полового порока.

Марина шипит, хрипит, выгибается и сопротивляется, колено Романа давит её шею к полу.

Пристав Роман (кряхтит, с усилием удерживая напольное status quo)

Тихо, гадина! Вы с ней по-хорошему, господин Дмитрий Борисович, а она вам рожу в кровь! Вот же сука!

Старший Капитан Зубов

Ты смотри, товарищ Роман, не повреди обвиняемую, а то Марценвельд уже некондиция и Сидоров некондиция, а мне ещё видеофиксацию делать. Две некондиции до генерального худсовета слишком: в профиле пометят.

Пристав Роман

Держу аккуратно, господин Дмитрий Борисович. Вот ведь стерва, как она вас по щеке-то...

Капитан Зубов, держась за щёку подходит к Марине, придавливаемой к полу приставом Романом, присаживается на корточки рядом с ней и снова начинает оглаживать её, сопротивляющуюся, по волосам.

Капитан Зубов (проникновенно, искренне)

Ну что же ты, дочка, со мной так? Я же по-хорошему к тебе, шанс даю на облегчение и послабление, а ты мне лицо в кровь рвёшь. Пойми: ежели искренне отвечать будете нам и друг-другу, да раскаяние проявите, мы же вам уполномоченны вину вашу простить. До определённой степени и в рамках инструкций передвижного оперативно-судебного заседания по морально-половому праву, конечно. Знаем, знаем: слаба на передок и душой ненадёжна – да главное-то ведь в том покаяться искренне, понять как следует, что виновата ты кругом и полностью. Все вы виноватые друг перед другом,

перед обществом федерально-региональным и перед передвижным оперативным судебным-исполнительным заседанием по морально-половому праву. Говном себя последним измыслить надо, Марина Эрнестовна, как следует это ощущение понять, запах своей душонки изнутри прочувствовать и принять всю правду-матку как она есть. Явишь нам подчинение – мы и жизнь и работу тебе твою оставим, да, может, и лучшую жизнь и лучшую работу тебе дадим. Ты, главное, милая, пойми, что нам обо всех всё известно, а скрывать более ни у кого ничего не выйдет: такое нынче время. Знаю, что жизни с Русланом у вас давным-давно уж нет, только Ванюша и держит вас вместе. Знаю: воспользовался пихарь безладом в семье, чтобы похоть свою утолить, распухшее потешить. Аз нет ему прощения и быть не может, а вам – может ещё вполне и быть. Так ты не держи в себе, поведай вслух: как было? Мужа своего в глазыньки спроси, как он дошёл до жизни задней мужественной с режиссером своим? Ну, будешь говорить, дочка?

Марина перестаёт сопротивляться, выгибаться и шипеть, тихонько всхлипывает.

Марина (всхлипывая)

Отпустите меня.

Капитан Зубов (встаёт на ноги, потирает щёку)

Вот и хорошо, поплачь, облегчись. Отпусти её, товарищ Роман, что же ты её ногой так-то, как скотину какую? Она ведь женщина-то хорошая, в приюте для зверушек волонтерушкой была.

Пристав Роман

Уверены, господин Дмитрий Борисович? Больно уж быстрая, смотри, как бы ещё чего не выкинула.

Капитан Зубов

Отпускай, отпускай, я Марине Эрнестовне верю на слово.

Пристав Роман медленно отпускает колено, убирает от Марины руки и встаёт на ноги рядом с ней. Марина какое-то время лежит и всхлипывает, затем тоже встаёт на ноги. Волосы у неё растрепались, по лицу текут слёзы, туш размазана.

Капитан Зубов близко подходит к дрожащей Марине, берёт её за подбородок и пристально смотрит в глаза.

Капитан Зубов

Глаза-то все проплакала, горемычная – вон, и туш потекла. Давай-ка, не задерживай передвижное оперативное судебное-исполнительное заседание по морально-половому праву, отвори грехам путь.

Зубов резко меняет интонацию

А то ведь можем и на III-го Интернационала к бабушке Катерине Александровне с дедушкой Эрнестом Фрэнсисовичем заглянуть. Ванюшу-то, ежели что, мы в интернат для детей работников федерально-регионального искусства определим, там его как надо воспитают.

Внезапно Марина беззвучно бросается на Зубова, словно змея, и бьёт его лбом в нос Зубов отталкивает Марину, она падает. У Зубова носом обильно идёт кровь.

К лежащей Зубовой бросается пристав Роман и снова, взяв её за волосы, прижимает шею Марины коленом к полу.

Зубов (утёрши рукавом шинели кровь, текущую из носа, запрокинув голову кверху, говорит)

Ах, вот ты как? Ну, дело твоё, дочка. Видеофиксация для профкома – и исполняйте её.

Зубов включает что-то в золочёном планшете, поднимает его на уровень своей головы и смотрит в него как в зеркало, поворачиваясь то одной щекой, до другой. Сняв документальные свидетельства производственных травм, он кладёт планшет в центр стола.

Зубов (трогая себя за щеки)

Всё, товарищи. Только давай аккуратно, чтобы хляби поменьше. Муж и жена – одна глубина, исполняйте обоих.

Картина IX

Пристав Олег подходит к лежащему без сознания на полу Руслану, кладёт его голову лицом в низ на бурые носилки в пятнах, достает из кобуры пистолет и, приставив к затылку Руслана пистолет, спускает курок. Раздаётся выстрел, тело Руслана дёргается. Геля визжит, Арнольд Валентинович, вжавшись в стол, скулит и трясётся, Марина, пытаясь вырваться из цепких рук пристава Романа, визжит и извивается. Пристав Роман волоком тащит визжащую Марину по полу к тем же носилкам, за волосы пригибает её голову рядом с лопнувшей головой её мужа, прижимает её коленом к носилкам, достаёт из кобуры пистолет приставляет его к затылку Марины и нажимает на курок. Раздается ещё один выстрел и тело Марины, конвульсивно дёрнувшись, перестаёт сопротивляться.

Раздаётся совсем уж истошный визг Гели

Пристав Роман подходит к Геле и ещё раз прикладывает ее головой о стол – на этот раз значительно сильнее, чем в первый раз. Геля теряет сознание и оседает на стул.

Капитан Зубов (встревожено)

Как девочка?

Пристав Роман

Всё в порядке, господин Дмитрий Борисович. Я аккуратно, минут на пять отключилась.

Капитан Зубов (сокрушенно)

Эх, эх... Давайте, товарищи, носилки с исполненными пока за кулисы, после заседания скорая разберётся. Да, потом проверьте Марценфельд.

Пристав Роман и Пристав Олег кладут на носилки тело Руслана, сверху на него кладут тело Марины и, взявшись за носилки с двух сторон, уносят их за левую кулису. С носилок свисают руки казненных и стекает на пол струйка крови. Из-за кулис слышен грохот сваливаемых с носилок тел. Тут же оба пристава возвращаются обратно. Роман и Олег с двух сторон подходят к лежащей головой на столе Анастасии Романовна Марценфельд. Роман берет ее за руку и пытается нащупать пульс, Олег с той же целью трогает её за шею.

Роман

Пульса нет, господин Дмитрий Борисович. Отмучилась старуха.

Капитан Зубов

Давай-ка зеркалом, чтобы наверняка.

Пристав Олег достает из-за пазухи маленькое круглое зеркальце в золоченой рамке

Пристав Олег (с ухмылкой и выражением декламатора)

Ты нам, зеркальце, не лжи, а всю правду закажи.

Пристав Олег приподнимает голову Анастасии Романовна за волосы и подносит ко рту с носом зеркало. Подождав секунд 40, смотрит на зеркало и отрицательно качает головой.

Пристав Олег

Преставилась, стопудово. Не дышит. Что, тоже за кулисы её, господин Дмитрий Борисович?

Капитан Зубов

Волоките, товарищи, конечно.

Геля (приходит в себя, бьётся в истерике)

Мамочка, мамочка! Вы убили мамочку!

Капитан Зубов (голосом государственного обвинителя)

Не мы убили, Ангелина! Ты и убила своим непозволительным морально-половым поведением, из-за групповых случаев твоих она душу испустила. А ежели ты виновата – тебе и ответ держать. Не воспитала мать – посему нам придётся. Несите товарищи, чего ждёте.

Геля рыдает, спрятав лицо в скреплённые наручниками руки.

Приставы Роман и Олег приподнимают полулежащую на столе Анастасию Романовну с двух сторон подмышки и, волоча её ногами по сцене, уносят за правую кулису к прочим трупам. Отнеся её и бросив за кулисами, тут же возвращаются обратно.

Геля рыдает

Картина X

Слышится 8-битный "Вальс цветов" П. И. Чайковского – это звонит телефон Марины, выпавший у неё из кармана по время противостояния с капитаном Зубовым.

Геля рыдает

Капитан Зубов

Кто это там?

Пристав Роман поднимает с пола телефон и смотрит, кто звонит

Геля рыдает

Пристав Роман

III Интернационала, господин Дмитрий Борисович.

Капитан Зубов протягивает руку, пристав Роман отдаёт ему телефон, капитан Зубов отвечает на звонок.

Геля рыдает

Капитан Зубов, улыбаясь, прикладывает указательный палец к губам, просительно смотрит на Гелю и та вдруг перестает рыдать. Зубов говорит в телефон добрым улыбчивым голосом.

Капитан Зубов

Алло? Ванюша? Здравствуй, милый мальчик. Мамочка занята, она на репетиции. Да, Ванюша, она скоро перезвонит. Я есть Дедушка Мороз, Ванюша. Что? А как же. Подарок первого числа, сразу после двенадцати. С наступающим тебя Новым Годом. Да смотри, веди себя в будущем хорошо!

Капитан Зубов рассматривает телефон

Капитан Зубов

Хм-хм... Айфон, совсем новый, товарищи. Через интендантский отдел реализуем. Проверьте, кстати, потом на трофеи остальных.

Капитан Зубов бережно убирает айфон во внутренний карман шинели.

Пристав Олег (весело)

Так точно, господин Дмитрий Борисович.

Тут из-за стола вскакивает рыдающая Геля и, откинув в сторону стул, со сцепленными за спиной руками бежит в сторону правой кулисы.

Капитан Зубов (кивает в сторону убегающей Гели)

Товарищ Роман, властью, данной мне сводом инструкций передвижного оперативного судебного-исполнительного заседания по морально-половому праву распоряжаюсь провести оперативный акт полового наказания в отношении обвиняемой актрисы Ангелины Герман-Дорожной. Только срочно, даю 10 минут

– делаем генеральный худсовет и быстрее на следующую точку. А то по времени не уложимся.

Пристав Роман (отдаёт честь)

Служу генеральному, центральному региональному округу и федерации, господин Дмитрий Борисович! Я мигом!

Роман бежит за Гелей, скрываясь за правой кулисой. Оттуда слышен грохот, Гелин визг, звон оплеух, треск рвущейся одежды и сопение пристава Романа.

Пристав Олег (обижено, насупившись)

Господин Дмитрий Борисович, очень даже обидно получается: как оперативный акт полового наказания и интересная барышня – так сразу брат Роман. А как мёртвой старухе на зеркало дышать – так сразу я.

Капитан Зубов (по-отечески прищурившись)

Товарищ Роман с какого года работает? А ты с какого? То-то же. Не кручинься, мóлодец. Служи и воздастся. Всё впереди.

Пристав Олег (уныло вздыхает)

Так точно, господин Дмитрий Борисович, всё впереди.

Капитан Зубов (великодушно посмеиваясь)

Ладно уж, поди пособи товарищу Роману. Как окончите – исполните пациентку и бегом сюда. Время выходит.

Пристав Олег (бежит за кулису, радостно)

Спасибо, господин Дмитрий Борисович! Служу генеральному, федерации и центральному региональному округу!

Капитан Зубов (во след)

Орлы!

Капитан Зубов поворачивается к столу, за которым сидит, скрючившись и сжав руками голову, Арнольд Валентинович Дорожный.

Арнольд Валентинович теперь сидит за столом один, опущенная голова его спрятана в руках, упирающихся локтями в стол. Плечи ходят крупной дрожью, его лихорадит, он судорожно всхлипывает. Арнольд Валентинович совершенно не в себе, он полностью дезориентирован.

Капитан Зубов (с затаенным гроыханием в голосе)

Что ж, Арнольд Валентинович... Будет сейчас у нас с тобой генеральный худсовет. Да что ты всё скулишь, как худая баба на поминках? Напихáл делов – имей мужество, Арнольд Валентинович! Посмотри на себя: висишь, как сопля чахоточная, трусишься.

Из-за кулис раздаётся визг, шум возни и звук двух последовательных выстрелов. Через пять секунд на сцене появляются Роман и Олег. Роман, держась за глаз, застегивает ширинку и оправляет халат, Олег с крайне недовольным видом убирает в кобуру пистолет и тоже оправляет халат.

Капитан Зубов

Что такое? Почему так быстро?

Пристав Роман

Наказуемая проявила злостное сопротивление, пришлось срочно исполнять, господин Дмитрий Борисович. Ещё хорошо, брат Олег рядом оказался, а не то быть бы беде – чуть глаза меня не лишила, стервь. Как только и наручники сняла, ты подумай!

Капитан Зубов (потирает руками пораненные щеки)

Будьте внимательнее к работе, товарищи, а не то понесут с почестями на погост, как, вон, Козленко в прошлый месяц. На обвиняемую, ты, товарищ Роман, не ругайся: не для того ты здесь находишься. Ты – длань исполнительная. А ты, товарищ Олег, не расстраивайся, успеешь воспитанием заняться – может быть, даже и сегодня: нам с вами ещё три точки ставить. Всё впереди. Давай звонок – и по флангам, объявляю генеральный худсовет.

Картина XI

Пристав Олег (значительно повеселев)

Так точно, господин Дмитрий Борисович, всё впереди.

Пристав Олег достаёт из кармана халата звонок, ставит его в центр круглого стола перед распластавшимся Арнольдом Валентиновичем. Затем приставы Роман и Олег встают слева и справа Капитана Зубова. Чёрные свои дубинки они поднимают на плечо. Пристав Олег, стоящий справа от Зубова, поднимает дубинку правой рукой на правое плечо, а пристав Роман, стоящий от Зубова слева, соответственно, поднимает дубинку левой рукой на левое плечо.

Мизансцена должна быть полностью симметрична визуально.

Зубов сейчас стоит прямо за спиной вжавшегося в стол лицом к залу Арнольда Валентиновича. Затем Зубов медленным строевым шагом обходит стол справа, встаёт спиной к залу ровно по-центру – напротив сидящего Арнольда Валентиновича, жмёт на установленный приставом Романом звонок, берёт со

стола планишет в золочёной раме, выпрямляется и возвращается на прежнюю позицию слева от стола, сделав таким образом полный круг вокруг стола и сидящего за ним Дорожного. Затем капитан Зубов достаёт из внутреннего кармана шинели золотое пенсне без стёкол, водружает пенсне на нос и начинает, поглядывая в планишет, говорить.

Я, старший капитан Зубов Дмитрий Борисович, действительный прокурор-исполнитель по центральному региональному округу, уполномоченный федеральным культисполкомом по центральному региональному округу, а также федеральной исполнительной прокуратурой по центральному региональному округу, согласно Приказу №6 "О новой культурной политике, творческом государственном пространстве и морально-половом праве" центрального межведомственного исполкома государственной безопасности, объявляю генеральный художественный совет об избрании способа завершения жизненного пути Арнольда Валентиновича Дорожного открытым.

Согласно общему своду инструкций оперативного передвижного судебно-исполнительного заседания по морально-половому праву, выбор средств исполнения окончания жизненного пути приговорённого должно произвести путём внутренних дебатов меж членами передвижной оперативно-исполнительной заседательной комиссии по морально-половому праву, осуществляющей передвижное оперативно-исполнительное судебное заседание по морально-половому праву. Окончательный выбор осуществляется путём открытого голосования членов оперативного передвижного судебно-исполнительного заседания по морально-половому праву.

Зубов клонится к центру стола и давит в звонок.

Капитан Зубов

Левое художественное слово совести предоставляется федеральному приставу II степени товарищу Роману. Что скажешь, товарищ Роман? Как следует исполнять Дорожного, исходя из тяжести проступков и степени морально-половой вины Дорожного перед обществом, регионом и федерацией? Какой способ исполнения выбрал бы лично ты, товарищ пристав?

Пристав Роман (крепко задумавшись, взявшись свободной рукой за подбородок, потирая его)

Что сказать, господин Дмитрий Борисович... Мы – люди простые, академиев не кончали. А только я вот что скажу: ежели он по жизни хотелкой своей во все стороны махал, так следует и жизни его лишать, чтобы понимал – за что. А как же? Я вот что думаю, господин Дмитрий Борисович: надо его державой (Роман слегка двигает поднятой на плечо чёрной резиново-свинцовой дубинкой) отхарить безжалостно. За всю мазуту рвануть ему очко. А в конце исполнения пулю в затылок – тут и сказочке конец. И будет у нас Арнольд Валентинович Дорожный исполнен по всем федерально-региональным понятиям. Прямо тут на столе можно и исполнить, господин Дмитрий Борисович. Брат Олег, слышь, держит, я исполняю, а вы, господин Дмитрий Борисович, на видеофиксации. Нет, ну а что? В общем, я своё левое слово совести сказал.

Капитан Зубов (задумчиво)

Мысль твоя безусловно хорошая, художественно ценная и внутривластически верная. Что ж, спасибо, товарищ Роман. Суровое твоё левое художественное слово совести. Суровое, но верное – по всем морально-половым правам и регионально-федеральным понятиям выходит истинно так. Решать будем открытым голосованием – сразу после того как товарищ Олег правое художественное слово чести скажет, а потом и я своё центральное художественное слово мудрости – согласно своду инструкций генерального художественного совета, осуществляемого в рамках передвижного

оперативно-исполнительного судебного заседания по морально-половому праву у творческих бюджетников.

Капитан Зубов наклоняется к центру стола и жмёт в звонок.

Правое художественное слово чести предоставляется федеральному приставу-исполнителю I степени, товарищу Олегу. Что скажешь, товарищ Олег? Как следует исполнять Дорожного, какие будут твои мысли?

Пристав Олег (чесет свободной рукой в затылке)

Я скажу так, господин Дмитрий Борисович: верно брат Роман говорит – исполнять Дорожного следует так, чтобы понимал за что. Но вот думаю: с каких таких будем державу во вражеском дерьме пачкать? Мой её опосля, чисти, понимаешь, – новую-то когда ещё выдадут. А думаю я, следует ему, живому, достоинство ножом отнять. Потом по очереди все пальцы на руках и на ногах, затем руки по локоть, ноги по колено, нос, уши, затем пальцами язык вырвать а в самом конце – башку вместе с поганым ртом усечь. Чтобы все, что выступало, больше не выступало никогда и ни во что больше никогда не лезло. А державы нам пригодятся, лучше в чистоте их блюсти. Кровищи, правда, не оберёмся, но ведь тут у нас не шуточки, господин Дмитрий Борисович. Ничего, скорая опосля приберётся, они девки опытные. Вон, занавеску на сцену постелить, (указывает рукой в зал, где сушится занавес) на ей и исполнить, а потом выкинуть. И очень хорошо будет.

Я сам, если доверите, исполнить могу, господин Дмитрий Борисович: у меня старший брат обвальщик, так я ему на говяжьём комбинате целый год помогал, работу хорошо знаю. Брат Роман поможет, а вы, господин Дмитрий Борисович, на видеофиксации. Такое моё будет правое художественное слово чести, господин Дмитрий Борисович.

Капитан Зубов

Что ж, принято правое художественное слово чести, товарищ Олег. Есть в твоём слове и горячая мысль и морально-половой резон и долг чести перед федерально-региональной родиной. Согласен я, в общем, с вами обоими, товарищи: и с твоим, товарищ Роман, лакунарным восполнением, и с твоей, товарищ Олег, сегментарной резекцией. А теперь послушайте-ка меня, товарищи приставы, буду говорить центральное слово мудрости.

Капитан Зубов выходит из-за стола и начинает медленно ходить вокруг сидящего за столом Дорожного, притворившегося потерявшим сознание.

Можно бы, конечно, можно, товарищи, Дорожного и слева лакунарно восполнить и справа сегментарно иссечь – всё это справедливые и действенные способы исполнения обвиняемого. Однако я, товарищи, зашёл бы в данном вопросе исподволь, из самых центральных хтонических глубин.

Капитан Зубов (медленно ходит вперёд-назад, держась одной рукой за подбородок, а другую убрав за спину, на хлястик шинели, смотрит в пол)

Вот скажи ты мне, главный режиссёр Дорожный. И как же отблагодарил ты нашу федерально-региональную родину, нашу мати-лебёдушку за то, что кормила, одевала и поила тебя, подонка, с самого малолетства? Родину, что воспитала тебя, дала образование, работу? Как отблагодарил ты наш федерально-региональный центр за возможность делать дело и неделю, получать довольствие и удовольствие, вкусно жрать и запойно пить? А я тебе сейчас скажу.

Зубов берет красный пакет с белой надписью “АШАН”, показывая его приставам и зрительному залу, после чего достаёт из пакета аппетитно торчащий наружу багет.

Капитан Зубов (держа багет в руке и внимательно смотря на него)

Веку испокон пахал мужик трудную целину живота не жалеючи; сеял мужик зерно – последнее, что было; ниву мужик с утра до ночи драл, бабы своей не беря, дитятушек не теша. Баба зерно цепом мучила, мужика monthly не исполня, с охоты на лампаду взываясь; вёз ночами бессонный мужик зерно, пропадая на хлебном пути; из зерна мужик бёль пылил, руки да ноги в жерновах давя; из бёли баба опару жала, да после торгла хлеб, тело своё в язвь да коросты о раскалённую пёчь жогши, порою до смерти. И вот хлеб, солярой и навозом поднятый, на крови и трудовом поте мешаный, мочой, слезами и семенем питаный, жрал ты, Дорожный, на землю поплёывая, корочки побрасывая. О том не думая, Дорожный, как хлеб тебе достался, через какие труды, грязь и муки он на столе твоём есть. Думаешь, Дорожный, есть это французский багет? Думаешь, забыл хлеб, в чьей земле хоронен был? Под чьим солнцем зрел, на чьей гнили взрос? Думаешь, не помнит зерно, чьи руки из колосьёв его жали, да, разбивая ядра в пыль, из праха белого опару сочили и в хлеб востворяли? То придумщики да креаверты тебя навроде из хлеба вот этот фряжский справили и название замысловатое выдумали: “французский багет”. Ишь ты-поди ж ты – французский багет... А ведь били, Арнольд Валентинович, в 812-ом француза-супостата нещадно на этой самой земле, и теперь же хлеб, взрощенный на земле этой самой, евоным именем кличешь? Да как же, Арнольд Валентинович, да что же за Арнольд ты, родства не помнящий? Да почему же ты, Арнольд Валентинович Дорожный, плоть от крови дорогой федерально-региональной родины-лебёдушки, жрёшь самый этот хлеб, по-французски зовёшь его, нахваливаешь, а родину-лебёдушку, мать, сестру, жену и дочь свою, серой хмарью-кикиморой хаешь? Мы слышали все твои слова, оборудование у нас имеется. А не потому ли, Дорожный, хлеб твой багет от фрязина, что на сцене деешь вместо родных твоих Распопова и Белугина дешевую фрю, подонка и национал-предателя Владимирóвича, что родину-лебёдушку за ягодное пойло с птичьей ливерухой продал, к норманцам-прованцам трусливо бежал и там на водяном песке подох, как шелудивый пёс?

Интонация Зубова резко меняется на обыденную диалогово-производственную

В общем, товарищи приставы, вношу центральное художественное предложение мудрости: взять этот самый французский багет и пенетрировать Дорожного им орально до полного осознания вины перед федерально-региональным обществом и окончательного исполнения. Я этот багет, товарищи, сейчас возьму и будет у нас Дорожный его орально осваивать. Голову ему вверх и с обеих сторон за руки в разные стороны как следует держать, крепко держать, а я ему хлебный центр исполнять буду. Будет тебе сейчас хлебный центр, Арнольд Валентинович. Как он начнёт принимать, вы, товарищи приставы, по очереди его в горло державами бейте, а я спрашивать буду: французский багет или хлеб родины? Вопрос – удар, Вопрос – удар. Недолго будет и к тому же без лишней хляби – скорой убирать меньше: что девчонкам пачкаться лишний раз? Вон, и так уже вся сцена в грязи. Ну, центральное художественное слово мудрости, товарищи приставы, я закончил. Теперь у нас по графику дебаты и открытое голосование. Так мы совместим, чтобы побыстрее.

Приставы Роман и Олег молча уважительно кивают головами и смотрят на Капитана Зубова.

Дорожный делает вид, что лежит без сознания, однако зрители видят, что плечи его мелко дрожат.

Капитан Зубов клонится к звонку и жмет на него. Звонок звенит.

Капитан Зубов

Открытое дебасование оперативного передвижного судебно-исполнительного заседания по морально-половому праву в части окончательного избрания способа исполнения приговоренного Арнольда Валентиновича Дорожного объявляю открытым. Всё как всегда, порядок вы знаете. Поехали.

Зубов наклоняется и жмёт на звонок

Итак, кто за то, чтобы исполнять Арнольда Валентиновича Дорожного лакунарно, предъявите своё Я.

Все трое остаются без движения.

Никто, товарищи. Итак, кто за то, чтобы исполнять Арнольда Валентиновича Дорожного сегментарно, предъявите своё Я.

На этот раз вздрагивает держава, лежащая на плече у Олега. Сперва она совсем робко тянется вверх, но тут же опускается обратно и замирает у Олега на плече. Капитан Зубов внимательно смотрит на Олега, затем продолжает.

Никто, товарищи. Итак, кто за то, чтобы исполнять Арнольда Валентиновича Дорожного хтонически, предъявите своё Я.

На этот раз оба пристава, щёлкнув каблуками, воздевают дубинки вверх с наклоном вперёд, а Капитан Зубов резко возносит правую руку с открытой ладонью вертикально вверх.

Капитан Зубов

Единогласное я, товарищи приставы. Победило центральное слово мудрости. Служу генеральному, федерации и центральному региональному округу!

Приставы Олег и Роман (в унисон)

Служу генеральному, федерации и центральному региональному округу!

Капитан Зубов клонится к звонку и жмет на него. Звонок звенит.

Капитан Зубов (вытянувшись по струнке)

Немедленная мера исполнения Арнольда Валентиновича Дорожного, окончательно утвержденная членами оперативного передвижного судебного-исполнительного заседания по морально-половому праву обжалованию и отсрочке не подлежит. Исполнителям занять свои фланги, включая видеофиксацию и начинаю исполнение.

Капитан Зубов клонится к столу, золочёный планшет ставит вертикально в самый его центр экраном к Дорожному и нажимает какую-то кнопку.

Раздаётся громкое механическое тиканье, которое теперь не прекратится до самого конца одиннадцатой картины.

Капитан Зубов (торжественно)

Распереть исполняемого на право-ле-во!

Пристав Олег подходит к лежащему на столе Арнольду Валентиновичу слева, пристав Роман – справа. Роман наклоняется, растёгивает Дорожному наручники, приставы берут Арнольда Валентиновича за руки и растягивают их в разные стороны. Арнольд Валентинович становится похожим на человека, изображающего сидящую за столом птицу с распростёртыми крыльями и опущенной в стол головой. Признаков жизни Дорожный не выказывает.

Зубов задумчиво походит к столу, снимает с него двухлитровую пачку сока “Мой Сад” и некоторое время смотрит на неё. Затем подходит к Дорожному, за волосяной хвост, как щелкунчику, задирает голову вверх и льёт сок из пачки широкой струей прямо Арнольду Валентиновичу в лицо. Сок попадает Дорожному в рот, нос и уши, поэтому Арнольду Валентиновичу не остаётся ничего другого, кроме как начать инстинктивно кашлять, отфыркиваться и отплёвываться, из чего становится понятно, что он находится сейчас в полном осознании происходящего с ним. Дорожный открывает глаза.

Капитан Зубов ставит пачку сока “Мой Сад” на стол, берёт багет, встаёт за спиной Арнольда Валентиновича, держа хвост Арнольда Валентиновича одной рукой так, что лицо Арнольда Валентиновича запрокинуто вверх, а рот – открыт.

Капитан Зубов (сурово, глядя на отфыркивающегося Дорожного)

Ну вот, Арнольд Валентинович, ты и в себе. Участь твоя, Дорожный, решена генеральным худсоветом и сейчас страдать будешь за дела свои и поступки до самого хлебного конца. Готов ли исполниться перед видеофиксацией оперативного передвижного судебно-исполнительного заседания по морально-половому праву? Сказать должен будешь перед концом: французский багет или хлеб родины. Нам для отчёта надо. Чем быстрее скажешь – тем меньше мучиться будешь, тем быстрее все кончится.

Арнольд Валентинович (шепчет-хрипит, с закрытыми глазами)

Господи спаси, Господи спаси, Господи спаси...

Капитан Зубов подобно древнему жрецу берет багет, словно меч, в правую руку, возносит её вверх, левой за хвост держит голову Арнольда Валентиновича ртом вверх и начинает медленно и неумолимо заталкивать багет в открытый рот Арнольда Валентиновича. Арнольду Валентиновичу не остаётся ничего другого, как мелко откусывать от багета, судорожно жевать, плевать и сглатывать. Он, конечно, не успевает за давлением капитана Зубова.

Капитан Зубов (давит на багет сверху)

Французский багет или хлеб родины? Товарищ Роман, держава!

Пристав Роман слева с размаху наносит удар по горлу судорожно сглатывающего Арнольда Валентиновича, тот хрипит и кашляет.

Капитан Зубов (давит на багет сверху)

Французский багет или хлеб родины? Товарищ Олег, держава!

Пристав Олег с размаху справа наносит удар по горлу Дорожного. Тот жуёт, глотает, плюётся, хрипит и кашляет ещё сильнее, однако никаких слов не произносит.

Капитан Зубов (сильнее давит на багет сверху)

Французский багет или хлеб родины? Товарищи, обоюдная держава!

Пристав Роман слева вместе с приставом Олегом справа наносят синхронный удар по горлу Дорожного, тот очень сильно кашляет и задыхается. Настолько, что Капитан Зубов рывком достаёт надкушенный Арнольдом Валентиновичем хлеб из Арнольда Валентиновича.

Капитан Зубов

Так Французский же багет или хлеб родины, Дорожный? Исполни с честью и совестью!

Арнольда Валентиновича Дорожного охватывает сильнейший кашель и конвульсии, он выпучивает глаза – французский хлеб родины попал ему в дыхательные пути, отчего Дорожный задыхается и неумолимо движется к сценической смерти.

Арнольд Валентинович (прокашливаясь, сквозь сценическую предсмертную агонию)

Бааарооодиныыы!!!!

Исполнившись, Арнольд Валентинович замертво повисает на руках у Приставов и Прокурора-Исполнителя подобно кукле актёра, изображающего птицу с

поникией к столу головой, замертво повисшей на руках кукловодов – это сходство непременно следует подчеркнуть сценическим освещением. Все присутствующие на сцене застывают без движения примерно на пол-минуты.

В тишине слышится тиканье, раздающееся из золоченого планшета, стоящего на столе.

Присутствующие на сцене стоят неподвижно все 30 секунд, звуковое оформление должно быть эффектно подчеркнуто световым.

Через пол-минуты механическое тиканье завершается ударом небольшого колокола-рынды из пьесы "Наследство"; раздаётся краткая череда криков чайки.

Картина XII

Сразу после удара рынды во время криков чайки из центра первого ряда на сцену с замершими фигурами быстро поднимается мужчина неопределенного возраста и внешности – их автор полностью оставляет на усмотрение постановщика. В руках у мужчины чёрный кожаный блокнот и толстая, по всей видимости, перьевая, ручка.

Приборский (энергично взбегая по лесенке на сцену, громко, темпераментно, с досадой)

Эдик, нет, нет, нет! Эдик, ну елы-палы, сколько раз я тебе говорил – софиты на палачей намёком, четверть-тонáми. Не надо мне тут лобовых прожекторóв. И вокруг холодным белым размазать! Загадочность нужна, недосказанность, Эдик. Ну елы-палы, Эдик, ты же раньше делал как надо. Ну что такое, а? Послезавтра парóм, а у меня свет в финале не выставлен. Так, отмораживаемся, ребятки. Все умницы, все ко мне. Эдик, включай обычный.

На сцене зажигается общий нарочито нехудожественный холодный свет

Эдик (невидимый высокий лирический тенор из порталов)

У меня пульт заглохнул, Николай Виктóрович, я потому такие софиты в конце дал. На прогон дублёра заряжу, будет топчик.

Приборский

Ну ладно тогда. Серёга молодцом, звук сейчас хорошо и по балансу порядок.

Серёжа (Серёжа) (из порталов низким басом)

Оки, Николай Виктóрович. Николай Викторóвич, так меня всё же мочат в финале или нет?

Приборский

Нет, Сергей, не мочат. Ты у меня персонаж мистический, соединяющий звуками три мира: предвечный мир драматургии, реальный мир постановки и загробный мир худсовета. Увидел кровавый беспредел на сцене, затих у себя в рубке как мышка и сидишь там до следующей пьесы. Вечно сухой, так сказать.

Сережа

Понял, Николай Виктóрович, могила.

Приборский подходит к столу со стороны сцены и кладёт на него блокнот, а поверх него – ручку.

Арнольд Валентинович оживает в руках у приставов, встаёт на ноги, утирая вынутым из кармана брюк полотенцем лицо и подбородок, приставы Олег и Роман, отпустив руки Дорожного, кладут на стол свои чёрные резиновые дубинки рядом с надкушенным багетом, снимают шапочки, кладут их на стол, разминают шею и мышцы, вертя головами и руками, приседая и нагибаясь вперёд-назад.

Лёша (Роман) (зло)

Вадик, бля, бери свою державу, мою не бери, сколько раз тебе говорить? Моя подписанная: видишь красную Ж? Не трогай мою, последний раз предупреждаю.

Вадик (Олег) (добродушно) Так это ж две одинаковые поролоновые палки, какая тебе разница?

Лёша (Роман) (зло)

Что значит – какая мне разница? Я сказал – бери свою, а мою – не бери. Ты дебил? У меня рука меньше, я рукоять стачивал и красил потом заново. Может, в бубен тебе зарядить, если по-русски не понимаешь?

Приборский (умиротворяюще)

Так, так так, брэк, ребятки, брэк. Весь день репетируем, все устали. Спокойно, ребятки, потерпите, соберитесь. Ещё два прогона – и по домам. А послезавтра на фестиваль, да по-морю. Может, получим чего... Только на пароме не жрать, а то знаю я вас.

Из-за кулис хохоча во всё горло выходит Геля, за ней, смеясь взмахнув, выходят Анастасия Романовна, Марина и также смеющийся Руслан.

Александра Леонидовна (Анастасия Романовна) (смеясь, держась за живот)

А-а-а-а-ха-ха.... Светка, прекрати, я же пополам порвусь. Ну ты похабщица!
А-а-ха-ха-ха

Света (Геля) (тоже смеясь)

Да ну вас, Александра Леонидовна.

Спартак (Руслан) (хохочет)

А-ха-ха-ха-ха.

Люда (Марина) (хохочет)

А-ха-ха-ха-ха.

Приборский (подходит ближе)

Для убиенных лицедеёв вы что-то больно весёлые, ребяташки.

Люда (Марина) (весело)

Светка анекдот рассказала – мы попадали, Николай Виктóрович.

Приборский

Мне расскажешь, Светлана?

Света (Геля) (смущенно)

Я даже не знаю, Николай Викторович. Там с матом.

Приборский

Ничего, Светлана, я сильный, выдержу.

Света (Геля) (обаятельно улыбаясь)

Расскажу, Николай Виктóрович.

Стёпа (Арнольд Валентинович) (раздражённо)

Меня, понимаешь, казнили извращённым способом, а они ржут тут, как лошади. Лёва, сколько раз просил тебя аккуратнее с батоном. Губу порвал (трогает губу, смотрит на палец)

Лёва-кукольник (Капитан Зубов)

Увлёкся, извини. Ты же знаешь – система Станиславского.

Стёпа (Арнольд Валентинович) (с досадой)

Да иди ты на хуй. Не куклу у себя в богадельне за верёвки дёргаешь, здесь с живыми людьми работа. Ты же кукольник вообще, какой тебе Станиславский?

Лёва-кукольник (Капитан Зубов) (примирительно)

Станиславский у нас на всех один. Ну извини, извини. Прости, дорогой.

Викторыч, может заменим батон на поролоновый, как дубинки? Стёпа который раз от твоего багета родины страдает. Скажи-ка, а без кровей никак? Руки от них потеют.

Лёва показывает Приборскому ладони, на которых видны приклеенные лопнувшие пакетики с бутафорской кровью.

Приборский (отламывает от багета кусок, с той стороны, с которой он цел, кладет кусок себе в рот и с аппетитом жуёт)

Да ты что, Лёвушка? Какой Зубов без крови на лице? Слушай, не морочь мне голову – нам плыть послезавтра, а ты про реквизит. Как он поролоновый хлеб жрать-то будет? Проникновенность вся пропадёт к чертям. Хватит, что дубинки фальшивые. Работайте аккуратно – и всё будет хорошо. Так, сейчас стремительно вокруг меня кружком, потом полчаса перерыв.

Актёры и актрисы обступают Приборского, искательно на него глядя. Стол со стульями на переднем плане, актёры с Приборским – на заднем.

Приборский (заглядывает в блокнот, что-то метит в нём ручкой)

Значит, сперва по хлебной казни. Лёвушка, ты какой-то не грозный. Вот смотри: твой прокурор-исполнитель господин Дмитрий Борисович Зубов должен у меня воплощать экспортную квинтэссенцию абсолютного управленческого насилия над собирательной креативной личностью на очередном пикé развития русской социально-гуманитарной цивилизации, а у тебя какое-то смешное выходит, не трагическое. Без масштаба и пафоса, Лёвушка. Хм-хм... Бровушки, что-ли, черным подкрасить? Хм-хм... Или, может, вообще их сбрить?

Лёва-кукольник

Побойся бога, Викторыч!

Приборский (крайне сосредоточенно, увлеченно, быстро говорит, прижав три пальца левой руки к подбородку)

Шучу, Лёвушка. Ну вот смотри: там где у нас сцена генерального худсовета – это должен быть такой эпический абсурд, но не смешной, а страшный, Лёвушка. Страшный! Потому что заканчивается сцена казнью и смертью условного управляемого бога третьей степени, Левушка. Бога! То есть, условный управляющий бог второй степени в этой сцене у нас – ты, прокурор-исполнитель Дмитрий Борисович Зубов, Лёвушка. А я тебя не боюсь! У тебя он, этот божественно-инфернальный абсурд, какой-то, я не знаю, игрушечный, что-ли, кукольный. Нет, я понимаю, что ты кукольник – я, собственно, поэтому тебя в постановку и взял. Помнишь, да? Одна из фундаментальных сюжетных аллюзий в локальной драматургии у нас такая: средний кукловод, делающий с нижним кукловодом всё, что ему предписано делать верхним кукловодом. Но надо нам, Лёвушка, как-то постараться совместить вот эту кукольную

мистическо-механичную игрушечность и гротескный трагизм драматургического момента. Абсурдную эпичность апофеоза межчеловеческих чаяний и отношений надо нам показать. Не знаю, не знаю, что-то мне тут не то. Может, текст посмотреть-подправить? Не верю, короче, пока что лично тебе, Лёвушка. Остальные норм. Приставы-исполнители отличные – молодцы ребята. А творческие объекты административного насилия – так те вообще сегодня выше всяческих похвал. К Свете только есть небольшое пожелание. Ты поработай дома с зеркальцем, Лёвушка. По Михаилу Чехову. Все сцены пройди, начиная с появления вашей, хм-хм, тройки. Мы же с тобой над этим уже работали, все манеры ты знаешь – где какой автор, с какой интонацией что давать. Заостри, что-ли. В общем, поработай, Лёвушка.

Лёва-кукольник

Ох ты, Викто́рыч, я сейчас ничего не понял из того что ты тут налепил. Шучу-шучу. Всё я понял. На уровне подсознания, ха-ха. Ладно, по Чехову - так по Чехову. С зеркальцем. Завтра дома с утра займусь. Финны от такой премьеры охренеют, Викто́рыч. Гран-при будет наше, Викто́рыч. Или наша? Какого вообще рода гран-при, Викто́рыч?

Приборский

Французского, Лёвушка. Погоди, не мешай. Света! Мне мало секса, Светлана. До прихода палачей Геля должна транслировать вокруг себя столько секса, чтобы мужскую часть зрительного зала охватывала коллективная эрекция. И женскую часть. Ведь ты же молодость, Светлана, молодость и красота – олицетворение лучшей части женского начала. И женского конца! Да-да, Светлана! И конца! Жизнь и смерть в одном флаконе, Светлана, – это исчерпывающий женский образ, но мне нужен секс! Много секса!

Светлана (серьезно)

Я стараюсь, Николай Викторович. Может, вместо джинс мне юбку покороче?
Или давайте я в какой-нибудь сцене топлес отыграю.

Приборский

Где ты там грудью махать будешь? Тут ведь дело не в том, чтобы голое тело зрителю показать, Светлана. Я про общую подачу, про оценки, про блеск в глазах. За одну свою реплику Геля должна Спартаку на сцене отдаться! А я этого не вижу, Светлана. И не слышу. В общем, постарайся.

Светлана (серьезно)

Хорошо, Николай Викторович. Есть у меня пара мыслей.

Приборский

Достаточно было бы и одной, Светлана. Я шучу, милая. Так, идём дальше.
Спартак! Ты не эмоционален. Тайный гей, которым ты являешься в нашей пьесе – это же ходячая психологическая травма и невроз нон-стоп. Тебя, милый мой, должно как на качелях валить из буйной радости в черную депру, а ты какой-то слишком уверенный, какой-то совсем уж спокойный. Мне нужно больше эмоциональной расхлябанности. Вот хоть бы даже и в закулисном диалоге с режиссером: ты вспоминаешь про ночь в Майских банях – там нужен восторг, романтизм бездонный. И наоборот: когда режиссер тебя бросает, ты должен чуть ли не умирать от отчаяния. На колени, что ли, тебя там поставить? Давай-ка в прогоне ты, когда о встрече будешь умолять, встань-ка на колени, ок? Перед режиссером. И будет у нас такая локальная радужная молитва управляемому богу второй степени. Внутренняя эфемерная гей-драмочка с внешней иллюзорной надеждочкой в конце сцены. Уяснил?

Спартак (Руслан)

Хорошо, Николай Викторович. Ради искусства можно и на колени, ха-ха. Я понял, Николай Викторович. Больше истерить буду, в общем.

Приборский

Не истерить, а эмоционально расшириться – а это, Спартак, две большие разницы. Почитай-ка вечером какую гей-литературу. Раннего Приа́пова, я не знаю.

Спартак (Руслан)

Я вас услышал, Николай Викторович.

Приборский

Услышал – запомни и сделай. Так, у меня вроде бы всё. Ребятки, сейчас тридцать минут перерыв и заряжаемся на два прогона подряд. Давайте, курите. Светлана, с тебя анекдот. За полчаса успеем? *(Все смеются)* Шучу, шучу, милая. Всё, отдыхаем.

Все присутствующие, переговариваясь между собой, удаляются за кулисы, Приборский спускается в зал и по проходу уходит из зала через заднюю дверь, фиксируя что-то в блокноте на ходу.

На тускло освещённой сцене остаётся стоять круглый стол с лежащим на нём реквизитом (две чёрные поролоновые дубинки, две грязно-белые шапочки, наручники, бутафорский планшет в золочёной раме, надкушенный с двух сторон багет, античная ваза с торчащими из неё еловыми ветками, чёрный термос, актёрские экземпляры пьесы "Наследство", один из которых почти полностью залит кофе, пачка сока "Мой Сад") и пять беспорядочно расположенных за ним стульев с висящими актёрскими шмотками, красным пакетом с надписью "Ашан" и прозрачным пакетом, полным мандаринов. В тишине медленно гаснет тусклый рассеянный свет. Наступает совершенная темнота.

Картина XII.V

Из совершенной темноты брезжит тусклый северный свет. Июль, белая финская ночь. На сцене серебрится водная гладь небольшого круглого озера, на ней – вёсельная лодка, управляемая Степаном. (Арнольдом Валентиновичем) Напротив него сидит Александра (Анастасия Романовна), на коленях у неё большая плетёная корзина. Ближе к заднику сцены вдалеке виден лес и дом со светящимися окнами на берегу. Рядом с домом горит костер. Хорошо было бы, если бы сценография была организована в этой картине таким образом, чтобы озеро являло собой условный циферблат часов, а дом на заднем плане был бы расположен в районе цифры 12. Костер в этом случае должен гореть несколько правее дома – если соотносить его с часовой шкалой, он будет находиться на отметке 12:05.

Степан, не торопясь, гребёт, скорее, даже не гребёт, а купает весла в тёмной озерной глади. Слышится плеск воды.

Александра Леонидовна (обнимает корзину, положив голову на плечо)

Стёпушка мой Стёпушка, как же здесь хорошо! Знаешь, совсем я заебалась с этим нашим театром: репетиции, режиссеры, склоки, интриги. Тебя в мозги имеют, а ты стой и вежливо кивай. Сколько можно? На-до-е-ло. Хочу на пенсию.

Степан

Ой, Сань, завязывай. Я эту твою пенсию каждый сезон слышу уже лет десять. А вот скажи мне, что ты будешь делать без работы? На даче копать? Во дворе на лавке сидеть?

Александра Леонидовна

Ну не знаю, Степушка. Кактусы буду растить. Слушай, да я преподавать пойду. С молодежью работать буду, профессиональный опыт передавать.

Степан

Из-за кактусов твоих и сейчас дома не развернуться, а молодежь тебя быстрее театра достанет, лапа. Все херня, Сашка, это постфестивальная хандра. Ничего, сейчас мы к берегу причалим, ребятки уху сварили, шашлычки. Выпьем, полюбимся. Смотри, какая красота вокруг.

Дважды кричит ворона

Александра Леонидовна

Ой, тоже любовничек... Ну, красота, конечно. С другой стороны, без театра когда бы мы сюда попали, да?

Опускает руку в черную озерную гладь, зачерпывает горстью воду и льёт её обратно.

Степан

Да никогда бы не попали. Классно съездили, Приборский большой молодец. А финны, смотри, какой подарок нам напоследок! Отличный мужик Хяркёнен.

Александра Леонидовна

Лучше бы он гонорар нормальный дал, а не вот эти сраные грóши и два дня на озере.

Степан

Слушай, хватит ворчать, Сашка. Три килоевро тебе плохо? Нормально заработали, дома так не получаем.

Александра Леонидовна

Мы, может, и нормально, а Приборский – много.

Степан

Да ты чего, лапа? Мы уже на пятом фесте призы режем, через месяц на шестой в Авиньон лететь. Ты бы спасибо ему сказала, а она деньги его считает. Вот что вы, бабы, за люди такие неблагодарные?

Александра Леонидовна (вздыхает, обнимая корзину)

Люди, как люди (тоскливо вздыхает). И чего мы с тобой детей не завели, а? Внучка́ бы нянчили. Или внучку.

Степан

А я тебе тридцать лет назад говорил – давай родим, давай родим. Ну, потеряла бы год-два. Нет: у нас карьера, у нас театр. Ну и ладно, театр, так театр. Ты, лапа моя, главное, не жалей. Какой смысл теперь жалеть о том, чего нет?

Александра Леонидовна

Да, Степушка... Раз чего-то нет – значит этого и быть не могло, правда, хороший мой? А иначе бы оно непременно было. (вздыхает) Правда, Степка, чего-то совсем я расклеилась. Где фляга? Выпивать буду.

Степан

Давай, дёрни хорошенько за белые финские ночи. Флягу в корзине смотри, я там оставлял. Дай-ка ты чернички мне, больно хороша.

Александра Леонидовна роется в корзине, берет горсть ягод, и сыпает их в руку Степана. Весла висят в уключинах лопастями в воде.

Александра Леонидовна

На вот, держи.

Степан (жуя)

Килтос, лапа моя.

Александра Леонидовна

Чего?

Степан

Спасибо, говорю. Ты тут полторы недели и не знаешь, как на финском “спасибо”? Эх ты, лапа...

Александра Леонидовна (смеётся)

Да ну тебя, Стёпка, отстань..

Где-то бьёт хвостом о воду крупная рыба, Александра Леонидовна достает из корзины плоскую металлическую фляжку, отвинчивает крышку и делает из неё приличный глоток, морищится, закрыв нос тыльной стороной ладони, зачерпывает из корзины ягод, закусывает из горсти, протягивает фляжку Степану.

Александра Леонидовна (немножко с театральным надрывом)

Держи, Степушка. Пей за меня, любимый, ибо я за тебя сейчас пила. Ты самый главный человек в моей жизни, а я без тебя никто, никогда и незачем.

Степа (со смехом)

Глоток выпила, а уже и лыка не вяжешь?

Александра Леонидовна

Ну и сволочь же ты. Я ему душу открываю, в любви вечной клянусь, а он в ответ издевается. На тебе, гад бессердечный...

Александра Леонидовна зачерпывает хорошую горсть черники из корзины и, размахнувшись, кидает в Степана.

Степан (со смехом закрывается руками, ягоды летят в разные стороны, озеро вокруг лодки вскипает маленькими плесками)

Слава богу, в себя пришла. Ты чего ягоду напрасно тратишь? Лучше на берег доведём, ребят угостим.

Александра Леонидовна (тоже смеётся, заметно повеселев)

У нас там много, на всех хватит. Давай, пей быстрее, милый.

Степан отвинчивает крышку на фляге

Степан

За тебя, лучшая из собирательниц. За тебя, нерв моей жизни. За тебя, моя вечная.

Степан пьет из фляги, но вдруг давится и начинает кашлять, причем настолько сильно, что ему приходится повернуться спиной к жене и жестами попросить её по ней постучать. Александра Леонидовна стучит собранной в горсть ладонью по спине мужа. Корзина падает с сидения на пол, но Александра Леонидовна этого не видит.

Александра Леонидовна (нежно)

Совсем ты старый стал, Степушко. Ты аккуратнее пей, а то смотри, придется перед Авиньоном замену тебе подыскать.

Степан (прокашлявшись, повернувшись к жене лицом, смеясь)

Не дождётесь. Ты корзину зачем уронила? Собирай теперь по полу.

Александра Леонидовна (смотрит вокруг себя)

Где? Ах ты черт, да что же... Это всё ты виноват, старый засранец.

Начинает, крихтя, собирать с пола лодки просыпавшийся контент и складывать его обратно в корзину. Степан, положив флягу в карман, берет весла и принимается грести.

Степан (добродушно)

Я, конечно, я. Всегда и во всем виноват только я один и никто другой. Ты, главное, не расстраивайся, лапа моя. Как ты справишься – мы сразу и причалим.

Александра Леонидовна разгибается, держа в руках поднятый с пола лодки громадный белый гриб, шляпка гриба отрывается у неё в руках и в одной руке остаётся ножка, а в другой – шляпка. Рассматривает его.

Александра Леонидовна

Стёп, скажи, а на кой-то черт ты его сорвал? Рос себе и рос.

Степан

Я его во мху углядел, и так, знаешь, грибного супа мне захотелось, что аж душа зачесалась. Как в детстве у бабушки с дедушкой – с картохой, с лучком. Сварим завтра к опохмелу горяченького. Чего ты опять ворчишь, лапа?

Александра Леонидовна (внимательно вглядывается в гриб)

Так он весь червивый. Вон, аж кишмя кишат. Смотрел бы, чего берешь.

Степан

Ну так ты выбрось – и все дела. Нашла тоже проблему.

Александра Леонидовна, размахиваясь, по очереди кидает в направлении дома и костра ножку и шляпку. Неподаляку от лодки раздаются два негромким всплеска.

Александра Леонидовна снова обнимает корзину, положив голову на плечо.

Степан размеренно гребет, слышен плеск воды.

Александра Леонидовна

Славно как, Стёпушко... Может, и не надо пока к берегу? Шумно там, суета. Погреби полчасика, поплывем немножко?

Степан (гребёт)

Да как ты скажешь, лапа моя, как хочешь – лишь бы тебе было хорошо. Ты, главное, не переживай. Знаешь, нервные клетки не восстанавливаются.

Александра Леонидовна (вздыхает)

Не буду переживать.

Плывут, в тишине слышен плеск вёсел, медленно меркнет свет.

- - -

© Владимир Плисс, 2023

© Vladimir Pliss, 2023